

LE MESSENGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 74

III — 1964

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, И. В. Морозов, Н. А. Струве.

Америка: Прот. Александр Шмеман, М. Р. Гизетти, О. Раевская.

Секретарь редакции: И. В. Морозов.

91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

О съезде Синдесмоса в Финляндии — свящ. Петр Струве	1
О Промысле — архиеп. Иоанн Сан-Францисский	3
Памяти о. Сергия Булгакова — Л. А. Зандер	5
Отрывки из "Дневника духовного" о. С. Булгакова: о России, о грехе, о смерти, о любви	9
Борьба за веру в Совет. России — Н. Струве — Верующая молодежь. Борьба против Церкви: административные меры. Антирадика- льная пропаганда. Внедрение новых обрядов. Неверующие выступают в защиту верующих. Деятельность сектантов	18
О слове "Раб" в богослужебных текстах и молитвах и о замене его словом "Слуга" или "Служитель" — свящ. Г. Сериков	29
Христианский Египет — Н. М. Зернов	40
О том, что такое культура — В. В. Вейдле	48
Неразгаданный Чехов — С. Ш.	50
Церковь "Дивная" в Угличе — Ольга Берггольд	56

БИБЛИОГРАФИЯ

Alexander Schmemmann, «For the life of the world» — прот. Семенов
Тян-Шанский 58

ХРОНИКА

Обращение Архиерейского Собора Русской Православной Кафоличе- ской Церкви в Америке	67
Обращение к православным людям	69
XI-й литургический съезд в Богословском Институте — А. К.	70
Генер. Комитет Всемирной Студенческой Федерации. — Л. Овтрахт	73
Путевые впечатления (Венеция 1964) — прот. Семенов Тянь-Шанский	74

Подписная плата на год: 10 Ф. С целью поддержки: 15 Ф.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый
счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 10 F. Prix du N° 2,50 F.

Adresse de la Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
Н. РАДКЕВСКАЯ, 2

О съезде Синдесмоса в Финляндии

«Верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь». Эту молитву мы повторяем за каждой литургией, исповедуя в ней нашу принадлежность к Церкви, которая есть «Тело Христово, полнота Наполняющего все во всем».

Но что значит верить? Вера не ограничивается духовной уверенностью в обещания Спасителя или молитвенным созерцанием новозаветного откровения. Вера по своей природе деятельна и динамична, она не довольствуется словами, но требует воплощения. Нельзя исповедовать единство и не созидать его, молиться о соборности и не осуществлять ее.

Как вера без дел мертва, так и догматическое единство веры без его воплощения в союзе любви есть лишь обманчивый призрак того настоящего единства «в меру полного возраста Христова», к которому нас зовет Спаситель: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино».

А ведь как часто в повседневной нашей действительности мы довольствуемся этим обманчивым призраком, забывая, что единство Тела Христова в своей основе есть величайшая тайна троичной любви, как часто мы обольщаем себя и других, не замечая или не желая заметить всевозможных проявлений отсутствия в нас духа любви, проявлений, идущих от бездушного равнодушия до разрушающего раскола.

Но «Сила Господня в немощи совершается!» Несмотря на очень трудные исторические условия большинства православных церквей, за последние годы в православном мире наблюдаются явные, хотя и не очень еще яркие, признаки возрождения соборного сознания и чувство необходимости реального воплощения единства отдельных поместных церквей. Если много писалось о предсоборных совещаниях православных церквей на острове Родосе, то деятельность «Синдесмоса», органа объединения православных движений молодежи мало кому известна. На ней мы и хотели несколько остановить внимание наших читателей.

Летом нынешнего года, в Финляндии, состоялось очередное, шестое общее собрание Синдесмоса. Помимо членов

БИБЛИОТЕКА-ФСРД

«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»

МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ

4001387

Р.С.Х.Д. в нем приняли участие делегаты движений из Греции, Ливана и Сирии, Финляндии, Аргентины, Японии, Уганды, Южной Кореи и Англии. Обширен и значителен был состав наблюдателей, среди которых необходимо особенно отметить представителей от Московского Патриарха, от Сербской Церкви, от двух движений С.Ш.А. и от Армянской Церкви.

Самым важным моментом съезда было единогласное решение создания новой категории членов: членов корреспондентов. Таковыми могут быть группы молодежи, не составляющие организованных движений, богословские школы и академии, причем не только православные, но и принадлежащие к восточным дохалкидонским церквам. Это изменение статута преследовало в основном две важные цели. Первая — это попытка включения молодежи тех стран, в которых, по причинам политического строя, существование православных движений молодежи не допускается. В этом смысле положительное выступление о. Евгения Албарцумова, возглавляющего Московскую делегацию, позволяет надеяться на участие в работе Синдесмоса русских духовных школ. Однородные пожелания были выражены наблюдателями Сербского Патриархата.

Вторая цель, побудившая создать новую категорию членства, это развитие контактов с молодежью восточных не православных церквей: сиро-малабарской, сиро-яковитской, коптской (египетской и эфиопской) и армянской. Работа эта находится в очень зачаточном виде, но важность и неотложность ее все больше и больше ощущается, так как так называемый «восточный экуменизм» является первой и самой осуществимой экуменической задачей православного мира.

На съезде был также поднят вопрос работы с православной молодежью в Америке. Как мы уже отмечали, помимо представителя Аргентинского Движения, которое является полноправным членом Синдесмоса, присутствовали наблюдатели от Объединения Русских Православных Клубов (Ф.Р.О.К.) и Греческого Объединения православной молодежи. Вступление этих двух движений Северной Америки в ряды Синдесмоса явилось бы несомненным обогащением и очередным шагом на пути православного единения.

Перед Синдесмосом стоит целый ряд очень важных и неотложных задач, осуществление которых зависит всецело

от нас, как и зависит от нас свидетельство пред лицом всего мира, что православная соборность есть не только громкое слово, но истинное выражение и воплощение той троицной любви, без которой мы лишь медь звенящая или кимвал звучащий.

Свящ. Петр Струве

Архиепископ ИОАНН Сан-Францисский

О ПРОМЫСЛЕ

Промысл Божий — это сила любви, Божьей заботы о человеке и творении. Всегда все Бог направляет ко благу. Но не все это могут понять. Это можно только увидеть в свете высшего разума. И есть люди, слышащие веяние Божьего Промысла, узнающие голос Небесного Отца, чувствующие Его руку, и в радостных, и в горьких событиях земли... Иные же просто веруют, что — иначе не может быть.

Первая ступень веры в Бога: увидеть Божью волю в мире. Вторая, более высокая степень веры: **во всем, всегда отвечать** на Божью любовь и волю. «Да святится Имя Твое», говорит верующий человек в своей молитве к Богу, и не просто хочет он, но сильно, огненно, хочет, чтобы его сердце и сердца всех людей озарились правдой, знанием воли Живого Бога. Это самое великое знание мира!

Кто верит в Бога Вседержителя и Хозяина мира, тот замечает Промысл Божий над всем творением... И, понимая Божьей Любви не может не вызвать у человека **ответной** любви к Богу и ко всякому человеку, **которого любит Бог.**

Промысл Божий **благословляет**, или **дозволяет**, «допускает» совершаться тому или другому событию. Когда мы, люди, творим злое дело, оно может совершиться только по **допущению** Хозяина мира. «Ни одна из малых птиц не падает на землю» без воли Отца Небесного... Если же человек творит добро, спасает другого человека, помогает ему, это уже совершается не по «допущению», а по **благословению** Божию. Все, что совершается в мире свободной волей человека, бывает либо по «допущению» Хозяина мира, либо по Его воле и благословению.

Оттого иная «удача» более вредна для человека, чем то, что нравственно слепой человек ошибочно считает своей «неудачей». И то, что иной воспринимает, как свою «неудачу», на самом деле может быть высшая его удача и вечное спасение.

Для любящих Бога, все, конечно, будет всегда удачей, все будет успехом, хотя, может-быть, не сразу покажется успехом... И рождение в мире, и так называемая «смерть», и здоровье, и болезнь, и достаток, и недостаток материальный, и всякое отношение к нам, все, для верующих и любящих Бога людей, бывает чудесной лестницей, возводящей их к божественному Свету и вечному спасению.

А для тех, кто борется с Божьей правдой, все в мире бывает неудачей и погибелью. Само их рождение физическое, не завершённое духовным «вторым рождением», обращается в неудачу. И смерть, прекращение времени земного, бывает не рождением в свет, а исходом в тьму, которую человек себе избрал, восстав на Бога. Хорошее телесное здоровье одним людям поможет в их добре и жертвенности, а других людей укрепляет в их зле. Следствием болезни человека может явиться, как победа духа смирения и веры, но может произойти еще большее погружение человека в безверие и гибель... Человек свободен идти чрез все к Свету Вечному или погружаться в «тьму» эгоистической жизни. Такова духовная реальность. Но ее нельзя понять, мысля материалистически.

Мир наш еще не пришел к своей цели, не достиг совершенства. Но он идет к нему. Мир уже пылает физически-невидимым христовым огнем, нравственным светом, спасающим души. И для любящих Бога и человека, этот огонь правды Христовой есть уже начало рая и наслаждения среди всех их трудностей и страданий земных. Для равнодушных же людей, не верующих в Божий Свет, земная жизнь есть бессмысленное скитание по призракам, от одного призрака к другому. Такова и сущность «материализма», столь унижающего человека.

Близость человека к Богу измеряется его радостью от правды Божьей. И его страданием без этой правды. Господь очень близок к людям. Он близок к нам Своей любовью. И «расстояние», на которое человек способен «уйти от Бога», не есть какое-либо внешнее расстояние пространства или времени, но лишь состояние духа. В одно мгновение оно может быть преодолено покаянным вздохом, горячим порывом веры и жертвенным действием, — одним словом правды, одним чудотворным знаменем Креста. И,

где бы мы ни были, мы можем всегда устремить свой молитвенный вздох к Небесному Отцу. Он к нам близок.

Рождается человек физически, чтобы приготовить себя к высшему рождению в вечность. Спасение человека в Боге, не есть какой-либо акт внешний, юридический. Это явление органическое, духовное, внутреннее, нравственное... Мы всегда находимся в каком-то духовно-нравственном состоянии, — либо мы входим во свет, либо уходим во тьму. Душа никогда не бывает «нейтральна» в нравственном отношении. Она радуется — или свято страдает — на путях к духовному Свету, либо бесплодно томится — или призрочно утешается — на путях зла.

И в каждое мгновение (в этом именно нравственная свобода наша!) мы, люди, можем измениться, перейти из одного нравственного состояния к другому. Дух наш способен изменяться мгновенно в свою духовную противоположность... И так мгновенно изменился, так спасся в Боге евангельский «благоразумный», «правый» разбойник, обратившийся ко Христу на кресте.

История человечества и жизнь земная человека есть поле выявления личности. Земную жизнь можно уподобить химическому раствору, «проявляющему» фотографическую пленку. Свобода человека нравственно проявляется под лучами (не для всех зримыми) Божьего Промысла, Света. И так драгоценно это земное, столь не надолго нам данное время! Мы проявляемся на земле; определяется, фиксируется здесь наш дух... И в Вечной Жизни явится в нас лишь тот плод, который будет нами посеян на поле земного времени. «Сеющий в плоть, от плоти пожнет тление; сеющий в дух, от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. VI, 8).

Архиеп. Иоанн С.-Ф.

Л. А. ЗАНДЕР

ПАМЯТИ О. СЕРГИЯ ВУЛГАКОВА

(К ДВАДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ)

В ночь с 5 на 6 мая — в Духов день — внезапное кровоизлияние в мозг лишило о. Сергия сознания и движения. 12 июля он отошел к вечной жизни.

В своем надгробном слове, сказанном 15 июля во время отпевания о. Сергия в храме Сергиевского Подворья, Митрополит Ев-

логий назвал эти дни продолжительной агонии «затвором, в который ушла душа о. Сергия — временем его последней беседы с Господом, его последней молитвой и отчетом в пастырском служении».

Сейчас, по прошествии двадцати лет, это замечательное слово Владыки Евлогия, подводящее итог всей жизни о. Сергия, сохранило всю свою вдохновенность, свежесть и современность, и мы не можем воздержаться от того, чтобы не повторить здесь его главные слова:

«Осиротели мы, осиротело Сергиевское Подворье, опустело... Мы потеряли великого отца и руководителя... Велик был подвиг твой для богословской науки и, быть может, он и есть самое важное из твоих деяний. Это еще мало оцененная сторона твоей деятельности, ждущая еще исторической оценки. Ты был непонят, укоряем. Может быть, это даже входило в общий план твоей жизни, ибо твое богословие было не только плодом твоего разума, но и выстрадано сердцем, облитое, оплодотворено кровию твоего сердца...

Ты был христианским мудрецом, ты — учитель церковный в чистом и возвышенном смысле слова. Ты был просвящен от Духа Святого, Духа Премудрости, Духа Разума, Утешителя, Которому ты посвятил свой ученый труд. Он претворил в твоей душе Савла в Павла, Он вел тебя до последнего издыхания... И последнюю литургию на земле ты совершил в день Святого Духа, в годовщину твоего иерейского посвящения... И в этот день призвал тебя Господь прекратить священнослужение твое здесь на земле, чтобы продолжать его там, у престола Господня, в лике святых Ангелов и Апостолов»*).

Эта высокая оценка, это благоговение перед жизненным подвигом о. Сергия живо в церковном сознании, и свидетельством этого является обращение архиепископа Георгия к духовенству Экзархата (9 июля 1964), в котором мы с радостью прочитали следующие слова: «О. Сергей Булгаков был вдохновенным пастырем, исключительно выдающимся православным богословом, пламенным проповедником, мудрым духовным руководителем, знаменитым ученым и мыслителем... Господь даровал о. Сергию богатые духовные дары, и ему дано было в молитвах и богомыслии прикасаться к Горнему Миру... Ко Господу он отошел в чаянии грядущего явления Церкви в силе и славе, вместе с преображе-

*) «Памяти о. Сергия Булгакова», Париж, 1945 г., стр. 19.

нием твари, в уповании, что, по слову апостольскому, все небесное и земное соединится под главой, Христом (Еф. I. 10). Вечная память пастырю Христовой Церкви, благовестителю Царствия Божия».

Эти оценки обязывают; и мы попытаемся в кратких и простых словах сказать о том, что представляется нам самым главным и основным в творчестве о. Сергия.

Всякая мысль получает для нас смысл и значение, когда она отвечает на какой либо жизненный вопрос. Без этого предварительного вопрошания самая высокая истина воспринимается нами как абстрактная и чуждая нашей духовной жизни. На какой же вопрос отвечает богословие и философия о. Сергия?

Послушаем его самого: «Что есть мир? Совершающееся Богочеловечество, являемая Премудрость Божия, «Жена облеченная в Солнце» (Откр. 12) — хотя до времени гонимая драконом в пустыню; или же мир есть сама эта пустыня «пустой дом», оставленный Господом (Мф. 23-38)?»

И соответственно этому «есть ли между Небом и Землей лестница, по которой восходят и нисходят Ангелы? Или же земля есть только точка отталкивания для тех кто «хочет спастись» и стремиться для этого покинуть этот мир?»*)

В этих кратких словах схвачены все сомнения, вся боль современного человечества, но в них же мы предчувствуем ответ — ответ веры и надежды, ответ радости и ликования «Ответ на этот вопрос давно уже дан в христианской вере; но этот ответ недостаточно услышан и усвоен христианской мыслью. Он содержится в основном догмате о Богочеловечестве. Тварный мир соединен с миром божественным. В Божественной Премудрости Небо преклонилось к земле. Мир не есть только мир в себе; он есть мир в Боге, и Бог пребывает не только на небе, но и на земле, в мире, с людьми»... Можно сказать, что вся жизнь о. Сергия была посвящена усвоению, пониманию и благовестию этой основной истины.

«Он имел одно видение, непостижное уму», но его ум не изнемог от этого видения, не замолчал, не замкнулся, но попытался «говоря языком человеческим» о «вещах божественных» поведать и показать нам это «сопреживание Творца со Своею

*) Из немецкой статьи «Zur Frage nach der Weisheit Gottes» (Kyrios 1936, N. 2). Не имея русского текста, с которого сделан перевод, я принужден сделать обратный перевод с немецкого на русский язык.

тварью*), эту пронизанность дольного мира лучами небесного, нетварного света, эту укорененность всего земного в его небесной родине...

Понятие Богочеловечества является здесь центральным и основным. И если оно возносит мысль горе, то, в то же время, оно предостерегает от того ложного спиритуализма, который ведет к мироотрицающей мистике. Ибо «мир знает и хранит Божеское, но не знает и не умеет найти Богочеловеческое. И если Бог не поможет, то не спасется человек... Но Бог уже спас, ибо пришел в мир и стал Человеком. И, вознесшись от мира, послал с небес Духа Святого, даровал Пятидесятницу. Дух Святой пребывает в мире. Он дан нам и горе нам, если мы не в Духе**).

Истина о Богочеловечестве раскрывается в учении о Боге как халкидонское богословие, перерастающее христологическую проблематику и освящающее собою все вопросы богословия.

Обращенная же к пониманию мира, она расцветает учением о Премудрости Божией как основе творения, «о началообразной доброте зрака***), являющего мир в том совершенстве, в котором он был создан Творцом.

Поэтому основным мотивом всей мысли и жизни о. Сергия была радость. Радость о Боге, радость о Его Творении, радость о Церкви, радость о людях. И все его творчество является вдохновенным продолжением того ангельского приветствия — в Евангелии, в Посланиях, в акафистах, — которое в русском тексте выражено словом «радуйтесь», указующим на самую суть и смысл человеческой и богочеловеческой жизни.

Л. Зандер.

*) Выражение Архиепископа Никанора (Бровковича).

***) «Утешитель», стр. 5-6.

****) Служба Преображению, стихира на стиховне, глас I.

ОТРЫВКИ ИЗ «ДНЕВНИКА ДУХОВНОГО» *)

О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

(ПЕЧАТАЕТСЯ ВПЕРВЫЕ)

О РОССИИ

1.VIII.1924. — Господи, Господи, изнемогает душа моя от любви к Тебе и благодарения к Тебе. Весь этот дивный мир, который меня окружает и который я оскорбляю своим грехом, неведением, небрежением, все эти люди, которых Ты даешь мне и знать и любить и которые меня, окаянного и недостойного, почему-то любят, жизнь эта, этот день, каждое дыхание жизни, время, которое Ты положил для меня во власти Своей, все это — дар, дар Твой, от которого никогда и нигде не уйти и не возблагодарить. Горит мое сердце, изнемогает душа моя, Боже, Боже мой, сладкий, благой, великий. Надо благодарить за все: за радость и горе, за жизнь и за смерть, за блаженство и испытание, за любовь и за ненависть людскую. Но смущается иногда мое бедное сердце: как могу я благодарить за голод, за плен духовный, за неволю и несчастия, за гибель моих близких, моего народа, за поругание родины моей? Не будет ли это ложь и лицемерие, мерзость пред Господом? Я безответен стою пред этими бедствиями, перед этими засухами и голодовками, которые посланы Богом на людей неповинных, на младенцев. Снова миллионы русских людей обречены на голодное умирание, как это вместить? О, можно и это вместить, если себя им отдать, все свое, до конца, отдать Богу, давшему все. Но мы не делаем этого, оставаясь сами на берегу, мы видим тонущего, и тогда берет нас трепет и ужас. Да, не все постижимо человеку, и не может стать постижимо, ибо начала и концы все теряются в безвестности и бесконечности, и навсегда останутся тайной судьбы людей. Но в этом сладость веры, подвиг веры: Господь, которого не устают благодарить душа моя за великие Его дары, Он всегда и во всем Себе верен. И надо молить

*) Этот дневник велся о. Сергием Булгаковым в течение года, с 10 июня 1924 года по 22 июня 1925 г. В скором будущем «Дневник Духовный» выйдет отдельной книгой.

Его о милостях Его, но благодарить о всем всеильную и любящую десницу Его! Господи, научи благодарить Тебя, дай силу благодарить!

5.VIII.1924. — Какое бедствие постигло русскую землю, какое развращение! Изнемогает ум объять происходящее, раскованный сатана ярится. Но Господи, мой Господи, Ты прав и правы пути Твои. Ты знаешь, что невиновны те, которые обучаются греху с молоком матери, как нет заслуги тех, которые жили в иные, более христианские времена. Но как единожды ответил Ты пророку Илии, что соблюл Ты себе непреклонивших колена перед Ваалом и как в Содоме сохранил десять праведников, так и ныне блюдешь в роде российском сих избранных и готовишь их к часу славы Твоея. Ты их проводишь чрез все искушения и закаляешь против всех напастей. Они пребывают с Тобой в напастях Твоих, и явятся в славе Твоей. И они тогда станут ходатайствовать пред Тобой о братьях своих. Значит есть и теперь путь избранных Твоих, не закрыт он для человека. Яви же его нам, укрепи волю нашу и верность нашу. Ибо Ты рек: не бойся, избранное стадо, яко благоволил дать ему царство Отец Мой!

1.XI.1924. — Друг друга тяготы носите. Как часто бывает, что видя заблуждение или слабость брата своего, выскомеришься пред ним, его осуждаешь, но скорбишь в сердце о его неразумии. А между тем, если ты действительно видишь, то ты должен принять это и на свою совесть. Виденная неправда ближнего твоего есть и твоя собственная неправда, если ты не озабочен в сердце своем ее пороботь, и она спросится с тебя на Страшном Суде, как твоя собственная неправда. Надо иметь сердце милующее, надо болеть, а не осуждать. Отчего у нас так бессильны все попытки братотворения? Отчего посрамляем мы свое православие раздорами? Оттого что не имеем сердца милующего. Не будь холоден к лжи и заблуждению, будь горяч и мужественен в истине, но умей любить человека. Как же? Надо любить и злодеев, терзающих родину? Не надо любить их злодейства, но надо жалеть злодеев. Предай их суду Божию, но храни сердце свое от ненависти, ибо через ненависть побеждает нас враг наш. Или ты думаешь, что Бог не может послать легионы ангелов против них и уничтожить их? Но если долготерпит Господь, долготерпи и ты. Не значит это, что не нужно бороться со злом всеми доступными нам способами, но надо бороться с ним преж-

де всего в собственном сердце. Господь долготерпелив, будьте и вы как Отец Небесный.

2.XI.1924. — Доколе, Господи, доколе гневаешься на землю русскую? Почто оставил еси на поругание и развращение? Почто терпиши сатанинскую власть безбожников? Ты знаешь немощь естества, Ты знаешь, что силы терпения человеческого ограничены. Зачем же даешь искушаться сверх меры возможности, зачем допускаешь до неизбежного падения? Весь народ, все дети его лишены веры, их души растлеваются с нежного возраста, они становятся зверенышами. Но разве они виноваты? Это — смерть, смерть при жизни, которая в тысячу раз хуже настоящей смерти. Ведь Ты всемогущ, по мановению воли Твоей сокрушатся нечестивцы, но Ты терпишь их. Навуходоносор был жезл железный, который сокрушил жестоковыйный народ, и мы, отцы, приняли этот жезл железный, но это царство смерти, в которое однако рождаются дети, Тобой посылаемые... в ад земной. О, Господи, Господи, прости мне вопль сердца моего. Я знаю чего Ты *от меня* хочешь: Ты хочешь искреннего покаяния, настоящих слез и горя о родине, которую мы преступно забываем. Ты хочешь настоящей слезной молитвы о спасении России, и молитва всегда бывает услышана. А пока не дали мы этой молитвы, суетны, неискренни, холодны и наши вопрошания. Ты благ и всемогущ, твори волю Твою.

13.IX.1924. — И снова видел я во время литургии в Николаевском храме печаль и плач на Лике Пречистой, и опять было это такое чувство, что невозможно было терпеть, невозможно было видеть печаль Пречистой, душа исходила от этой печали... Великая печаль из нашей родины, скорбь, какой не было еще от создания мира и не знаем, будет ли. Осквернена земля, растлеваются сердце народное, исповедники веры томятся в заточении и изгнании. И неумолимо обличает совесть: разве мы любим родину? Разве мы молимся о ней? Господь, быть может, и попустил эту скорбь, дал сатане поразить Иова, чтобы дать нам явить любовь, умолишь, вымолишь спасение. Нужна скорбь сердца, нужны слезы на постели моей, истинное сокрушение — не о тех избранниках Божиих, которые томятся за Имя Христово, но о тех жертвах обольщения, которые хулят Имя Его, не ведая что творят, которые стали плоть, уподобляясь предпотопному человечеству, о детях этих и юношах, развращаемых в безбожии,

лишенных святыни, храма, веры, радости, чистоты, целомудрия, о всех этих бесчисленных жертвах убиения души, а не тела. Как пророк Божий Давид скорбел и плакал и не вкушал хлеба, и было ему в ответ пророчесственное видение, так и мы должны быть облечены во вретища сердца, с плачем вкушать хлеб свой. Нужен *подвиг молитвы* в клети сердца своего, нужны непрестанная боль и плач, которые слышит и видит Господь. Такая преискренняя молитва всеильна, только такую молитвенною любовью можем мы спасти Россию — силой Божиею, вымолить у Бога спасение России. Иначе же мы, мы ответственны за гибель и за страдание. Господи, распали сердце мое, дай мне слезы любви и молитвы. Пречистая, Ты явила мне Твои слезы о мире, дай мне, окаянному, приблизиться к плачу Твоему о земле русской.

17.I.1925. — Господи! Вот я раб Твой, пред Тобой, скажи мне волю Твою... Душа моя отяжелела в благополучии, в себялюбии, в покое. Она цепляется за них, бессильная она не хочет и не умеет «Восходить во Иерусалим» для прощания. А Ты ведешь, Ты зовешь избранныя Своя к прощанию с Тобой. Сей Иерусалим — горькая родина наша, избивающая пророков и святителей, и не останавливается свирепость иродов, новые жертвы берет он себе. Мы же смотрим со стороны, как будто нас это не касается, как будто не спросит Господь нас в день Страшного суда ответа о родине нашей, нам данной и нами греховно утраченной. О, Господи, победи во мне забвение и сон духовный, зажги сердце любовью Креста Твоего.

О ГРЕХЕ

17.IV.1925. — Нет ничего страшнее греха — это смерть души. Смерть входит и разрывает душу, мертвит. Еще вчера, накануне греха, ты был светел и целен и радостен, но грех разорвал твою душу, в ней пустота и одиночество. Нет одиночества, кроме как во грехе. Грешник один, он оставлен и сам оставил Господа, которого он оскорбил, Его Пречистую Матерь, святых ангелов и святых угодников, своих любимых и близких, он пред всеми, всеми совершил свой грех, пред всеми окаянный преступник. Он несет на себе тайну своего греха и смерть.

Грех — отчаяние и смерть души, смерть вторая. Все ра-

дуются, а грешник окружен кольцом своего греха, его эта радость мучит, все светятся, а в нем свет этот есть тьма. Так будет после Страшного Суда Божия: то самое блаженство и радость и свет, которое будет ликованием праведников, оно именно будет сковывать и казнить окаянных грешников. И опыт этой адской муки дается здесь, в этой жизни, немедленно после греха, в плену греха. Окаянный грешник осужден не внешним судом, не повелением Божиим, а самим грехом, самим собой. Адские муки это *сила* греха в тебе самом, это — стыд, нестерпимый стыд греха, стыд обмана, стыд поругания святого, близкого, дорогого. Господи, спаси Ты грешника от отчаяния, дай покаяние, дай плач. Недостойн воззреть к Тебе, к Тебе обратиться, недостойн этого солнца, этой земли, этого Твоего творения, которое собою огорчает грешник, недостойн близких, любимых, всех людей, обманщик и вор. Но Ты — любовь, Ты пришел грешные спасти, спаси же грешника от отчаяния, спаси как Ты можешь и хочешь сам, не дай погибнуть созданию Твоему.

18.IV.1925. — Грех есть смерть, смерть вторая, смерть вечная. На грешнике печать отвержения Божия. То, что есть источник радости и любви для праведников, есть для грешника тьма крошечная, в которую сам он себя ввергнул, сам себя осудил. В грехе человек узнает всю силу над ним вечной гибели, неотвратной, непобедимой никакими человеческими силами. Но и этих сил нет, ибо грех — пустота, бессилие, смерть. Еще недавно двигался человек, радовался жизнью, радовался силе, кипевшей в нем, а теперь он мертв и пуст. Каков был ужас первородного греха, когда вдруг увидели себя люди, из любимых детей Божиих отверженными преступниками, и Отец предстал пред ними как Праведный Судия, и не могли они вынести зрака Того, Кого оскорбили грехом, скрылись в чащу. И этот спыт первородного греха повторяется с каждым человеком, когда он грехом оскорбляет Бога, Пречистую, святых апостолов, человеков, и из них самых близких и дорогих и больше всего тех, кто его больше всего любит и доверяет. Пусть никто в мире не знает о твоём грехе, но знает и видит Бог всемогущий, и на страшном суде *все* узнают и увидят твой грех. Какое страшное разочарование и горе постигнет их тогда, когда они увидят, что тот, кому они верили и любили обманщик и смердящий грешник. Но в свете лица Божия спасутся они от того отчаяния, от разочарования, в которое впадут неизбежно, если

сейчас грешник исповедует пред ними грех свой. Грех есть Каиново клеймо, проклятие. Он всего и всех лишает, он страшнее смерти. Нет ничего страшнее и лютее греха. И если бы Господь, в неизреченной любви Своей, не подал руку помощи, не влил в душу грешника силы прощения, погиб бы в отчаянии грешник. Плачь, плачь, несчастный, омывай слезами раны свои, зная, что тебя окаяннее нет человека, что ты сквернишь землю, на которой ты ходишь. Не для тебя она создана, если ты растлил себя грехом твоим. Но еще больший грех — отчаяние. Господь милосерд. Господь может *простить* грех, Он не может примириться с ним, но Он может сделать бывшее небывшим, омыть Кровью Своей. Он может восстановить разрушенную ткань души твоей, и мертвого воскресить. Он затем и пришел в мир, чтобы падших восстановить. Господь ведал слабость твою и греховность твою и ради нее оставил небесный престол Свой. Господь на кресте страдал за тебя, и за твою скверну, дабы тебя спасти от отчаяния и гибели. Господь слышит каждый вздох и видит каждую слезу. Ты ранее покаяния не знал силы греха в себе, ты был горд праведностью своей, которая была только неискушенность. Теперь ты смирился, потому что познал свое ничтожество. Теперь ты понял, как безмерна жертва любви Божией, когда увидел и свой грех в Гефсиманской скорби Его, до кровавого пота, и себя в числе его мучителей и распятелей. Не оскорбляй же теперь любви Божией неблагодарностью и неверием. Надейся на милость Божию, ибо Бог возлюбил тебя ранее создания. Ей, глаголет Господь, яко не хочу смерти грешника.

О СМЕРТИ

10.XI.1924. — Под Рождество Богородицы в поезде я удостоен был озарения Господня: я смотрел в окно на розовеющую пашню, алеющую листву и голубеющее небо и душа исходила в сладостной истоме от любви к Господу и миру Его. И вдруг в душе поднялась бурная радость, которая *ждет* и которую я впервые познал. И эта радость — смерть. Впервые в жизни в опыте я познал, что смерть есть величайшая радость, которая ждет человека, ибо ждет его Богоматерь, Ее любовь, ждут святые, ждут близкие и любимые, ждет... Господь. Это необъятный трепет и ужас, но это и

радость, радость безмерная... «Желание имый разрешитися и со Христом быти», — впервые стали жизненной правдой эти слова апостола. И так есть, да, так. И вместе с этим, в то же мгновение пронеслось, что для радости этой надо отстрадать, что страх и муки смерти это путь к радости радостей, и это надо претерпеть, и все претерпеть, все вместить. И сразу по иному осветилась вся стариковская жизнь; она угрюмо плетется к мрачному, неизбежному концу, все мрачнее и все скуднее, а здесь вдруг все, все изменилось: все идет к радости, великой, безмерной, все превосходящей радости. О любовь Божия, о любовь Богоматери, все превосходящая! Как нам быть достойными своего предназначения, как вместить! Нет страха смерти (хотя, конечно, по слабости естества, и сохраняется природный страх и природная привязанность к жизни), нет уныния, есть радость, радость смерти. И у меня сверкнуло на сердце, что значит слово Божие: сильна как смерть любовь, что значит это уподобление, свидетельствующее, что любовь есть смерть, — она в себе имеет смертное самоистощание, но и смерть есть любовь, которую уже не может вместить земное сердце, от которой оно разрывается... Но потому она есть и радость, ибо любовь есть высшая радость, единая радость на земле. Да, сильна как смерть любовь, любовь есть смерть, смерть есть любовь... Нет большей силы в мире чем смерть, ибо пред ней все склоняется, но есть ей равная и столь же всепобеждающая сила — любовь. Но смерть упразднена, любовь же всегда пребывает.

7.II.1925. — Смерть! Дивное и великое таинство, с которым мы непрестанно встречаемся, проходя мимо и спеша, отвлекаясь мелочами жизни. О типина, о молчание, о голос того века, слышное, слышное молчание! Как близка смерть — как молитва, как Бог в молитве. Не нужно итти, не нужно искать, всегда здесь, близ, так и смерть всегда здесь, близ, нет никакого расстояния. И однако, бездна и в этой бездне смысл жизни, ее оправдание, ее разгадка. Если бы жизнь мы могли мерить, отсюда и тем, как учит нас Церковь, призывая к непрестанной памяти часа смертного, призывая к возгреванию вечной памяти и памяти вечности. Мучительны часы смерти, страшен ее приход, но ведь это преходящий миг, а за ней освобождение, итог, печальный страшный, немумный. Смолоду может казаться, что ненормальна смерть, но затем все яснее становится, что жизнь и есть смерть, как смерть есть жизнь. Смолоду может казаться, что смерть в

таком отдалении, будто ее практически нет. А затем становится все яснее (как и мне окаянному ныне), что давно уже перешел законный срок жизни, обозначавшийся всеми смертельными опасностями, от которых Бог сохранил, и теперь уже сверхдолжный срок жизни, особый дар милости и долготерпения Божия, дар щедротности Божией. И за каждый день и час этой сверхдолжной жизни нужно особо благодарить Господа, особо радоваться каждому этому часу и особенно за него ответствовать перед Богом. Господь явил тебе, что жизнь твоя давно истощилась, и в глубине души ты сам это знаешь. Но Он в милосердии Своем дает еще и еще срок покаяния и смотрит и ждет, *как* ты воспользуешься отсрочкой, так же лениво и себялюбиво, как в дни всей своей жизни, которую всю ты в лености изжил, или принесешь плод покаяния. И каждая смерть есть зов и укор и обличение. Господи дай мне память смертную и умиление.

О ЛЮБВИ

7.XI.1924. — Возложи печаль твою на Господа! Если в жизни твоей образуется положение неисходное, или неумолимая судьба ведет тебя помимо твоей воли и ведома, — ведет внутренне и внешне — молю тебя, брате, и молю себя окаянного — не отрывайся от Господа, крепко держи руку Его, веруй, что никогда не оставляет и не оставит Он тебя, и мнимая безысходность есть вразумление и испытание. У Бога и для Бога нет трудностей безысходных, и все есть дело благости и любви Его. Вооружись терпением, готовностью и желанием претерпеть От Господа и для Господа всякую муку, какую Ему угодно будет послать. Внемли себе. Старайся различить, что в трудности Твоей принадлежит тебе и греху твоему, — и старайся искоренить, омыть покаянием, и что не принадлежит твоей воле, что есть твоя судьба, как воля Божия о тебе. И что самое важное в нашей жизни — людские встречи, человеческие сердца, которые распалются любовью не по воле и не по силе своей, это есть божественная судьба человека, которому дано Богом любить и быть любимым, на земле и страдать ради любви. Страдание может быть различно: болезнь, утрата, разлука, неровности, но всегда любовь дающая высшие, единственные радости, окупается страданием, и не ропщи на это страдание, если можно,

люби его как любовь свою, только страданием приобретешь ты право себеялюбивой, не самоулаждающейся, но подлинной жертвенной любви. Божия Матерь сама соединяет сердца человеческие у избранных своих. Она их хранит и осеняет Своим Покровом. И зри на Нее. Какова была *Ее* любовь к Сыну Своему? Была ли эта чистейшая и высшая любовь, любовь радости и улаждения? Посему малодушие, ропот, уныние есть грех против любви, есть отвержение примера Матери Божией. «И не печытися на утрий в дни мнимой безысходности». Господь чудесно снимает тяжесть с сердца, дает исходы, милует и спасает. Благодарите Господа за дары Его, наипаче же за превеликий дар любви, который дал Он созданиям Своим, ибо без этого дара, под трудностью и тяжестью которого иногда стонем мы и жалуемся, была бы пуста и мертва вся наша жизнь. И если кто по истине достоин нашего участия и сожаления, то тот, кто скуден любовью, кому некого любить, кто мало любит. О Господи, триипостасный Бог, единица в Троице, Бог-Любовь! Ты создал нас по образу Своему, и сила и сердце этого образа в даре любви, по образу Триипостасной любви Твоей. Здесь образ Твой и Твое подобие. Научи нас достойной любви, чистой, жертвенной несвоевольной, пламенеющей. Зажги сердца огнем Твоим!

13.V.1925. — *Любы не ищет своего*. А мы всегда ищем своего и себя даже в любви. И только благодать любви освобождает нас от нас самих. Можно приносить жертвы, поступаться своим, но все-таки в основе искать и хотеть своего, как бы ни было это свое возвышенно и тонко. Но закон любви: да отвержется себя. Нужно хотеть в любимом и для любимого только того, что ему нужно, а не тебе хочется, нужно распинать себя в любви, отсекал свою волю, отречься себя... Это крестный путь любви, без которого она не может созреть и принести своего плода. Почему же Господь от каждого требует крестного пути во след Его? Почему Он возлагает такое как будто бремя непереносимое на наши плечи? Потому что без этого огненного испытания любовь не родилась бы в нас, не сознала бы свою силу, свою окрыленность, свое бесстрашие. Совершенная любовь побеждает страх. Это в разных смыслах сказано, но и в том, что побеждает страх жертвенности. Совершенная любовь *на все готова* ради любви, ибо она знает себя и знает свою вечную природу. Но от человеческой любви, которая обычно представляет неразличимую смесь себеялюбия, страсти, приражений с чистой лю-

бовью, долгий и трудный путь ведет к победе любви в любви. Долог и мучителен этот путь для человека, но каждый шаг в нем, внутренне оправданный, и вознаграждается. Любовь — это талант, который непрестанно умножается, если отдается в рост любви и не полагается в землю. О Боже, укрепи слабое сердце, побори изнеможение. Ты видишь сердца наши. Твоя воля да будет!

БОРЬБА ЗА ВЕРУ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ)

Борьба с религией за последние месяцы еще усилилась.

Теперь известно, что дети от трех (иногда шести) до 18 лет фактически «отлучены» от церкви гражданскими властями. Закрытие и разрушение церквей является единственной вполне «эффективной мерой» в борьбе с живучестью «религиозных предрассудков». К ней власти стали прибегать все чаще и чаще. В Киеве и киевской области церкви исчезают одна за другой. В Новосибирске разрушено две церкви. Между 15 и 18 июля в Москве был сначала закрыт, а затем разрушен древний Преображенский храм (что на Преображенской улице). Узнав о закрытии храма, верующие ночью пытались путем уличной манифестации воздействовать на гражданские власти: на следующий день собор был взорван. На месте храма будет сооружен новый выход для станции метро.

Ниже мы печатаем широкий обзор борьбы за веру по материалам советской печати. Конечно, о самых страшных моментах этой борьбы газеты молчат. Но и эти отрывочные данные проливают яркий свет на положение верующих в Советской России.

Н. Струве.

I. — ВЕРУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

1. — Верующий одиннадцатиклассник

В «Комсомольской правде» от 6 сентября 1964 года напечатана статья Т. Яковлевой «Избегали этой темы», в которой рассказывается об одном одиннадцатикласснике Олеге Родионове — верующем в Бога. Т. Яковлева считает такое явление редким, и потому задалась целью установить причины, породившие его.

В центре Москвы находится 496-я школа, которую только что закончил Олег Родионов. Он учился хорошо, был всегда одним из лучших учеников. Но во время выпускных экзаменов, когда стало известно, что он верит в Бога, некоторые преподаватели стали преследовать его — преподаватель обществоведения, когда Олег хорошо ответил, попросил рассказать ему о его, Олега, личном отношении к закону сохранения энергии. Иными словами, преподаватель стал «придираться» к хорошему ученику.

Директор школы, узнав о том, что Олег — верующий, приказала вычеркнуть его из списка награжденных заводом за хорошую работу.

Сокласники Олега возмутились таким поведением преподавателей, они пришли в редакцию газеты и высказали свое возмущение во всеуслышание. Они назвали поведение преподавателей «жестоким и непорядочным». Когда же в редакции стали укорять сокласников Олега за то, что они не помогли своему товарищу освободиться от «религиозного груза», выяснилось, что в 496-й школе разговоров на религиозные темы избегали, что в этой школе принято было считать веру в Бога личным делом каждого, причем настолько личным, «что говорить с Олегом о его сокровенном казалось просто неудобным».

Олег был таким же учеником, как все, он ничем не отличался, разве тем, что лучше остальных учился. Он охотно всем помогал. Ученики 496-й школы уважали права Олега. Кроме того, они считали, что в споре с Олегом они проиграли бы, так как не были подготовлены вести антирелигиозную пропаганду.

Т. Яковлева упрекает сокласников Олега, она обвиняет их в том, что в малом они помогли Олегу (вступились за него во время экзаменов), но в большом (в вопросе веры) — остались в стороне.

Судьба Олега до сих пор не решена.

2. — Студент-выпускник — проповедует Христа.

Выпускник исторического факультета МГУ Л. А. Лебедев был работником краеведческого музея, что находится на территории бывшего Ново-Иерусалимского монастыря в г. Истре. Но вместо изучения края он занимался монастырскими архивами. А затем исчез и неожиданно появился в скиту у реки Истры, где когда-то жил со своим причтом патриарх Никон. Там он начал читать проповеди приходящим за святой водой старушкам. Покинув музей Лебедев сделался пономарем Покровской церкви.

«Фальшивый крест». («Ленинское знамя», 23.7.64).

3. — Молодой священник

«В гостях у отца Пахомия» («Комсомолец Киргизии», 1.4.64).

Разговор между корреспондентами газеты и молодым священником Пахомием. Ему 26 лет, он окончил заочно духовную семинарию и стал «попом» в киргизском селе Покровка. Он за коммунизм, но воспитывает в людях чувство братства к ближнему, внушает людям, что нужно честно трудиться, не убивать, не грабить, о чем говорит религия. «Жаль, что вы не изучаете религии» — заявил он корреспонденту. В его церковь, чистую, украшенную иконописью, ходит очень много молодежи.

4. — Еще о верующей молодежи

«...Мы не можем себя утешать словами, что большинство верующих принадлежит к старому поколению. Православная и католическая церковь, а также и сектанты сосредотачивают свою деятельность главным образом на молодежи. Духовенство недавно начало вести энергичную религиозную пропаганду среди детей с помощью их верующих родителей».

«...Священник Совхоза «Пионер», Владимирской области, проводит «воспитательную» работу среди молодежи гораздо успешнее, чем комсомольский комитет. Он ходит на вечеринки и даже играет в домино с парнями. Его молодая жена также не теряет времени. Девушки приходят к ней шить и советоваться по интимным вопросам. Даже член комсомола Юрий Ефимов поддался искушению и окрестил своего ребенка с тайного согласия своего брата, руководителя клуба и также члена комсомола. («Комсомольская Жизнь», № 15-16, 1963).

Церковное благолепие имеет гораздо более сильное влияние

на многих молодых людей, чем прозаичные коммунистические стадионы:

«...Неподалеку, как бы в насмешку над комсомольским заводским комитетом, звонят колокола красиво убраной церкви. Да, конечно, святые отцы оказались находчивее комсомола. Они потрудились сделать церковное помещение привлекательным для молодежи, вычистили двор и посадили цветники. Нет ничего удивительного, что эту церковь посещают гораздо больше, чем стадион «Энергия»...».

(«Комсомольская Жизнь», № 15-16, 1963).

II. — БОРЬБА ПРОТИВ ЦЕРКВИ: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕРЫ

1. — Детям вход в церковь воспрещен

Согласно «Комсомольской Жизни» (№ 15-16, 1963), священникам запрещено начинать богослужение пока из церкви не удалены дети. Статья не указывает предельного возраста детей, но 12-13-тилетние дети определенно подпадают под это распоряжение.

2. — У верующих родителей отнимают детей

«Битва за Вовку» («Комсомолец Таджикистана», 20.5.64). В Душанбе товарищеский суд судил Георгия Лизунова за навязывание своему одиннадцатилетнему сыну Володе религиозного верования и подготовку его к церковной карьере. На суде Лизунов защищал свои родительские права. Он говорил о себе как о борце за веру. Так как партия выдвинула лозунг мирного сосуществования, сказал он, то это значит и мирное сосуществование идеологий. Товарищеский суд постановил дело передать в народный суд с ходатайством лишить Лизунова родительских прав и определить мальчика в школу-интернат.

3. — Угроза Рижскому женскому монастырю

«Советская Латвия», (29.7.64). В Риге, недалеко от центра города до сих пор действует православный женский монастырь. По свидетельству Н. П. Смирновой, монастырь размещается в нескольких деревянных постройках. В одной из них — монастырская церковь. Рядом еще 3 небольших домика. В двухэтажном доме, поближе к улице расположен «архиерейский корпус». Весь 1-ый этаж занимают покои епископа Никона. На 2-ом этаже

живут около двух десятков женщин. Размещаются они «по чину» — по одной, по две, по три в комнате... Настоятельница монастыря игуменья Магдалина проживает во втором «игуменском корпусе». Формально она живет в одной комнате с послушницей, но на деле игуменские покои включают еще 4 комнаты.

Редакция газеты добавляет: мы разделяем мнение Н. П. С. что религиозным организациям, подобным рижскому женскому монастырю, не место в нашем социалистическом сегодня. Однако: «Свобода совести в нашей стране, не только провозглашена, но и гарантирована законом. Религиозные граждане могут объединяться... в том числе и в условиях монастыря... но совсем не обязательно им проживать в центре большого промышленного города. У монастыря имеется т. н. «Пустынька» в сельской местности. Сов. органы неоднократно предлагали монашествующим переехать туда из Риги... Занимаемые ими ныне помещения подлежат передаче 24-ой восьмилетней школе...».

III. — АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА

1. — Микробы «святой» купели. («Московская правда», 22.8.64). Большой вред детям наносят такие обряды, как крещение и причащение. Недавно санитарно-эпидемиологическая станция Куйбышевского района Москвы произвела анализ смывов, взятых в нескольких церквях. Исследование воды купелей церкви Воскресения в Сокольниках и церкви на Преображенском кладбище, показали, что ребят крестят в сосудах, являющихся рассадниками болезнетворных микробов — стафилококков. Смывы с крестов и икон показали, что все эти предметы выделяют болезнетворные бактерии кишечной группы.

2. — К. Крыжановская, А. Лисовина, старшие научные сотрудники ЦГА МССР: «Документы разоблачают». («Советская Молдавия», 3.9.64). На основе некоторых материалов из Центрального государственного архива Молдавской ССР авторы хотят доказать, что старый тезис об антинародной сущности религии и христианской церкви (и именно русского православия) оправдан. В особенности подчеркивается противосоветская деятельность православных церковников на временно захваченной немцами советской территории в годы Второй мировой войны.

3. — «Евангелие от... иезуита» («Ленинградская правда», 19.8.64). Сотнями различных способов — на воздушных шарах,

в канистрах из под бензина, в двойных стенках автомашин «идеологические диверсанты» пытаются забрасывать в СССР западную литературу, чаще всего религиозного характера. Так, между прочим, популяризируется в СССР книга иезуита Ф. Лелотта «Решение проблемы жизни», стремящаяся примирить науку с религией. Бывший священник, а теперь антирелигиозный пропагандист А. Осипов написал даже ответ на книгу Лелотта «Евангелие от... иезуита».

4. — «Конкурсы на лучшие атеистические произведения». («Советская Белоруссия», 13.8.64). Министерство культуры БССР проводит до 1 декабря 1964 г. республиканские конкурсы на лучшие художественные произведения на атеистические темы. Утверждены положения о конкурсах на лучшую одноактную пьесу, лучший рассказ, фельетон, куплеты и частушки, лучшую песню, лучший художественный плакат. Лучшие произведения будут отмечены премиями в размере от 100 до 1.000 рублей.

5. — «В борьбе за человека». («Ленинградская правда», 25.8.64). Даже неверующие атеисты очень часто хоронятся с церковным отпеванием и иконами. Родные покойного не обнаруживают атеистической убежденности. Это, по словам статьи, объясняется показухой в антирелигиозной борьбе. Еще не перевелись атеисты, которые думают лишь о том, как бы побольше провести мероприятий, но их не волнует, что работа ведется вхолостую. В поселке Вырица (Ленинград) была создана школа атеистов, в которой занималось 34 человека. Ими гордятся. Но толку мало. С беседами на антирелигиозные темы из 34 выступают трое.

6. — «Мнимое благополучие». («Правда Украины», 24.6.64). В редакцию пришло письмо от В. Кальченко из г. Сатанова Хмельницкой области с просьбой помочь ему выпутаться из «сектантской грязи», в которой погрязла его мать. В Сатанове живут и работают 70 учителей, 80 врачей, инженеры, техники, 150 коммунистов, 300 комсомольцев. Убежденные атеисты. Однако из разговоров с председателем поселкового совета и председателем местного отделения общества «Знание» видно, что борьба с сектантами ведется из рук вон плохо. «Пылятся в библиотеке новинки атеистической литературы. Лежат без движения антирелигиозные диафильмы. А вот для священника Бойко из соседней Калагаровки мостик — не преграда. Даже в Доме культуры, в библиотеке он бывает чаще, чем иной атеист. И атеистической литературой интересуется чуть ли не больше всех...»

IV. — ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ОБЯДОВ: РЕШЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ

1. — «Дорогу советским обрядам». («Московская правда», 21.8.64). Совет министров РСФСР принял специальное постановление о внедрении в быт новых советских обрядов. При юридической комиссии Совета Министров РСФСР образован совет по разработке и внедрению в быт новых советских обрядов. В совете — представители различных министерств, горисполкомов, писатели, композиторы, художники, этнографы. Министерство культуры предложило проект организации некоторых народных праздников. Министерство коммунального хозяйства РСФСР готовит на рассмотрение совета ритуал нового обряда гражданских похорон.

2. — О. Швыдак, секретарь Волынского обкома КП Украины: «Новые обряды — в быт». («Правда Украины», 3.9.64). В колхозе имени Мичурина Рожищенского производственного управления сельские коммунисты вместе с комсомольцами создали ритуал современного брака, в котором сохранена традиционная волынская обрядность. И он хорошо был принят населением. Теперь здесь никто не венчается в церкви. Только за последнее время состоялось 46 комсомольских свадеб. Большой популярностью пользуются открытые в Луцке и в шахтерском городе Нововолынске дворцы счастья. Характерно, что в Луцке с конца прошлого года, со дня открытия дворца, в нем зарегистрировано 970 браков, а в церкви — два.

3. — Почему «обюрократились» дворцы бракосочетаний?

Несколько лет тому назад в Ленинграде был создан первый дворец бракосочетаний. Дворец этот был задуман, как мероприятие, которое должно было отвлечь молодежь от бракосочетаний в торжественной обстановке в церкви.

Комсомол послал во дворец своих работников, и молодежь стала праздновать свадьбы во дворце. Был организован совет дворца, заботившийся о том, чтобы бракосочетание не носило казенного характера.

По примеру ленинградцев и в других городах были созданы дворцы бракосочетаний. Они были переданы в ведение загсов. Пока дворцы были новинкой, пока в них сравнительно дешево и легко можно было отпраздновать свадьбу, они имели успех.

Усиливая борьбу с церковью, партийные работники решили

все церковные праздники заменить гражданскими. Наряду с дворцами бракосочетания недавно появились и дворцы по регистрации новорожденных.

Но вот в печать стали проникать слухи о том, что не все благополучно во дворцах бракосочетаний. Особенно тревожная заметка о них была напечатана в «Комсомольской правде» от 13 августа 1964 года.

Ленинградские комсомольцы, те самые, которые выдвинули идею создания дворцов бракосочетаний, перестали интересоваться своим детищем. Всю заботу о дворцах они переложили на загсы.

«Да, это они, те самые, для кого торжественные ритуалы создавались и существуют, относятся к новому с нелюбовью и... с пренебрежением».

Первые восторженные порывы увяли, остались будни, и комсомольские работники потеряли к дворцам всякий интерес. Вся «черновая» работа легла на загсы. Советы, которые были созданы при дворцах, распались. Правда, не все. Остались те, в которых работают пенсионеры.

4. — «Жить новым праздникам и обрядам!» — С заседания совета научного атеизма идеологического отдела ЦК КПМ. («Советская Молдавия», 30.7.64). Создание новых обрядов и коммунистических традиций — один из видов борьбы с религией, — говорилось на заседании. Латвийские атеисты с этой целью, во время установленных церковью постов, устраивают комсомольские свадьбы, в дни богослужений и св. праздников проводят в «комнатах счастья» торжественные регистрации браков и т. п. «У людей не остается ни времени, ни желания идти в церковь». В статье, однако, отмечается: «...не изжит до конца формализм и шаблон в организации советских праздников и обрядов... Даже выдающиеся торжества проводятся по одному и тому же шаблону: демонстрация, митинг».

V. — НЕВЕРУЮЩИЕ ВЫСТУПАЮТ В ЗАЩИТУ ВЕРУЮЩИХ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ

«Ленинградская Правда» в номере от 11 марта 1964 года опубликовала одно письмо неверующей гражданки А. С. Андреевой, одновременно с комментариями на него известного отступника от православия А. Осипова.

Вот письмо А. С. Андреевой без комментариев к нему Осипова:

«Если редакция не сочтет нужным опубликовать дословно мое письмо, то прошу ответить мне, в чем я не права. Мне 58 лет. В годы моего детства и юности, религия была на должной высоте, и я не помню, чтобы среди верующих были подобные фанатики, о каких пишут очень часто в газетах.

Мне непонятны эти потуги так называемой борьбы с религией. Зачем это? Современная религия отомрет сама. В данное время церковь посещают в большинстве старики. Дети наши посещают церковь очень немногие, внуки наши совсем не пойдут.

Зачем же в борьбе с религией прибегать к таким нелепым доводам, какие печатают в газетах. Подобные примеры не только не убедят верующих в их «заблуждениях», но не дадут желаемого результата и тем, для кого это все пишут. Каждому ясно, что дети болеют и умирают не только после церковного крещения (как заболела Оля, о которой пишут в «Ленинградской Правде» от 21 января 1964 года в статье «После Купели»). На протяжении многих сотен лет людей крестили, и жили люди до ста лет. Но если смотреть на крещение с точки зрения гигиены, так не меньшая опасность грозит и со стороны библиотек. Книги берут большие открытой формой туберкулеза люди, и эти книги идут по рукам.

На чем основываются атеисты, говоря, что молодежь, попавшая в лоно церкви, теряет радости жизни? Никогда православная церковь не запрещала и не отнимала права на радость и веселье. Всегда и везде в самый расцвет религии были всевозможные развлечения, гуляния, веселые свадьбы, театры, музыка и так далее. Только в посты запрещались венчания, а все остальное было на совести человека. Можешь петь и плясать в пост, это твое личное дело. На-днях по телевизору говорили об одной девочке, дочери верующей матери, что она должна была ходить в мешковатом платье и черном платке, повязанном на лоб (может быть у девочки ненормальная мать?), но церковь этого не требует от верующих. Есть секты, с которыми церковь всегда вела борьбу.

В православной религии нет такого устава, чтобы, молясь, поднимать руки вверх, как пишется в «Комсомольской Правде» за 16 января 1964 года в статье «Не мешайте мне жить».

Зачем же путать православную церковь с сектантами? Не полезнее ли ту энергию, с которой ведется борьба с религией, бросить на борьбу с преступностью молодежи, и поинтересоваться, много ли верующих среди молодежи, совершившей преступления? Я уверена, что юноша, посетивший церковь, если он ходит туда

молиться, выйдя оттуда, не возьмется за нож. В данное время столько развлечений культурных и полезных, а нас радовала и балалайка. Наше поколение веселилось естественной радостью, не зная вкуса водки. Почему теперь не только юноши, а и девушки (очень многие) тянутся к водке, не признавая без этого веселья? Вот это надо в первую очередь запретить. Водка — корень зла, а не церковь! В церковь можно ходить, не имея ни копейки денег, там не спросят и не потребуют. На водку же нужны деньги, их не хватает, и люди идут на преступления. Это знают все и не принимают крутых и решительных мер. Можно утешать себя тем, что среди молодежи есть и хорошие юноши и девушки и, мол, не стоит писать о плохих, их меньше, в таком случае не стоит писать и о верующих, их тоже меньше, чем атеистов».

VI. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКТАНТОВ

1. — Пятидесятники и Баптисты

В «Комсомольской Правде» от 23 июля 1964 года, под рубрикой «Разум против религии», публикуется четыре статьи, посвященные религиозным вопросам, главным образом сектантству.

«Один из руководителей общины пятидесятников в Рославле Виктор Гарбузов знает, что молодые любят и попеть, и потанцевать. Он-то и внес «свежую струю», чтобы, так сказать, оживить молитвенные собрания: начал исполнять псалмы и гимны на популярные мотивы, записывать всю эту стряпню на магнитофонную пленку, а потом «прокручивать» на молитвенных собраниях при стечении братства... Например, на мелодию песни «Журавли», долгое время исполнялся псалом «Исполненные душой и избитый грехами», вместо «Крутится, вертится шар голубой» они поют: «Крутится, вертится грех роковой»... Гарбузов хвастливо заявил, что «в работе» находятся мелодии песен «Мари», «Эй Мамбо», «Тишина», «Ландыши»...».

«Почему молодые становятся сектантами?».

Под заголовком «Заблудшая», «Комсомольская правда» приводит письмо молодой Нины К. из Челябинска:

«Я комсомолка. Мне 16 лет. Учусь в 9-ом классе. Я сектантка. Да! Баптистка! Странно?.. Откровенно говоря, я не считаю себя комсомолкой. Билет у меня комсомольский, верно. А душа? Душа-то божья... Я не родилась сектанткой. Я ею стала!».

Нина объясняет, что, нуждаясь в любви и теплоте из-за

очень стесненной и даже мрачной семейной обстановки, она нашла эту теплоту в «братстве»:

«Люди, встретили меня с лаской, теплом и заботой. Я не замечала духоты в комнате, не замечала тусклых свечей, не замечала черных штор на окнах — сквозь мрак, освещаемый тусклым мерцанием свечей, пыталась рассмотреть людей... Люди в черном. Сектанты. Мракобесы. Но у них (а сейчас и у меня) большая и светлая вера, вера в бога».

2. — «Христиане-странники».

В «Литературной газете» от 21 июля 1964 года рассказывалось о преследованиях членов секты «истинно православных христиан странствующих», живущих в Алма-Ате.

Статья «Горек плод равнодушия», помещенная в «Ленинградской правде» от 7 августа 1964 года, заставляет думать что эта секта многочисленна, ибо ее члены исполняют свои обряды и в Ленинградской области.

Автор этой статьи — Л. Сердобольская, научный сотрудник Музея истории религии и атеизма, рекомендует разыскать Н. В. Иванову, мать школьницы Вали, из Сусанина Ленинградской области, и принять строгие меры против нее за то, что воспитала свою дочь по уставу секты. Автор так описывает деятельность секты:

«Ночью к дому, где жила Н. В. Иванова, подкрадывались темные фигуры. Раздавался условный, осторожный стук. Странные люди входили в комнату через распахнутое окно. Скрываясь от дневного света, они посвящали ночи неистовым молениям со стонами, плачем, бесчисленными земными поклонами... Некоторым коммунистам еще зимой 1963 года стал известен тот факт, который должен был побудить их принять меры для изоляции Вали от матери. Иванова тайно увезла от своей родственницы пятилетнюю девочку, скрывала ее у себя, заставляла заучивать молитвы, морила голодом. И до того запугала дьяволом, что, когда родные наконец нашли ее, ребенок боялся подойти к ним. Девочка в ужасе кричала: Не трогайте меня, а то я сгорю. Мне страшно!

Летом 1963 года Иванова, принадлежавшая к секте «истинно-православных христиан странников», заставила свою дочь принять крещение. Валентина получила новое имя. Ей готовилась страшная судьба человека, который, по изуверскому закону секты «странников» должен был уйти от окружающего мира и скрываться в тайных кельях.

В той же статье приводится целый ряд аналогичных приме-

ров «распространения религиозного дурмана», и попыток вырвать детей из рук родителей — «религиозных фанатиков». В этом отношении автор статьи требует большие инициативы от инспекторов по охране детства отдела народного образования отдельных районов, от общественности домоуправлений, от комсомольских организаций фабрик и заводов. Ставится в упрек коллективам разных учреждений, что они очень вяло справляются с ответственностью, возложенной на них, за перевоспитание «закоренелых верующих». Приводится между прочим пример инженера С. С. Суковицина, активного баптиста, работающего в Научно-исследовательском институте техники разведки. Хотя собрание сотрудников его отдела «осудило его поведение», ничего конкретного не было сделано, чтобы его перевоспитать: он продолжает все активнее заниматься антиобщественной религиозной пропагандой. Автор статьи рекомендует в аналогичных случаях принять строгие, эффективные меры.

НАД БИБЛИЕЙ

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

О слове „Раб“ в богослужебных текстах и молитвах и о замене его словом „Слуга“ или „Служитель“

“Поэтому, ты уже не раб, но сын”.

(Гал. IV, 7).

В богослужебных текстах и молитвах мы очень часто называем себя «рабами» Божьими, рабами Богородицы и даже рабами святых.

В церкви, на Утрени мы поем: «Хвалите Имя Господне, Хвалите рабы Господа!» (Пс. 134) «Со святыми упокой душу раба Твоего...» поем мы на панихиде. «Избави от бед рабы Твоя, многомилостиве» — на молебне. «Призри на мя грешного и непотребного раба Твоего» читаем мы в молитве. «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» поем на Вечерне.

К Богородице взываем: «Спаси от бед **рабы** твоя Богородице!» «Владычице, помози... не отврати твоя **рабы** тщи... твои бо есьмы **рабы**, да не постыдимся!» (на молебне). В кондаке Благовещения поем: «Взбранной воеводе... благодарственная воспоем ти **рабы** твои Богородице».

Ангелу хранителю молимся: «Не забуди **раба** твоего, руководителю мой!» (Канон. Песнь 7-я). «О, ангеле Божий... не престай молиться о мне, **рабе** твоём» (Стихира). Иоанну Крестителю: «Потщися помощи ми, **рабу** твоему» (Канон. 3-я П.). Свят. Николаю: «Не престай моля о **рабех** твоих» (Акаф. Песнь 4-я).

Особенно часто встречается слово **раб** в псалмах, из которых, как известно, сотканы очень многие богослужебные тексты.

Это наше словоупотребление дает повод безбожникам упрекать нас в социальной отсталости, в симпатии к ретроградным, рабовладельческим идеям, в культивировании классово несправедливости, рабской пассивности и низменных, «подхалимских», крепостнических чувств среди людей.

Нужно сказать, что в наши молитвы и богослужебные тексты слово «раб» вошло потому, что этим словом было переведено в славянской, а потом и в русской Библиях еврейское слово «эбэд». Перевод — очень трудная вещь: он должен удовлетворять и букве и духу. Он не должен быть слишком свободным, далеким от текста, с другой стороны не должен быть слишком буквальным и не гибким. Славянские переводчики Библии добросовестно неизменно сохраняли перевод еврейского «эбэд» словом «раб». Они были формально правы. Но дело в том, что еврейское «эбэд» содержало не всегда один и тот же смысл. Поэтому, думается нам, вернее поступали французские переводчики Библии, которые вопреки формальности, одно и то же еврейское слово «эбэд» переводили по разному — иногда словом «esclave», иногда словом «assujetti», «mercenaire» или «serviteur».

Слово «рабство» (esclavage) означает, по энциклопедическому словарю, «несвободное состояние человека, находящегося в абсолютной власти своего господина». В древности, и до того когда писалась Библия и в эпоху библейскую, господин мог раба купить, продать и требовать от него всего, чего ни пожелает. Раб был его собственностью, его вещью, не имеющей личной воли, личной инициативы и какого-либо творческого проявления. Вся активность раба заключалась исключительно в исполнении воли своего господина. «Господин» — это означало «владыка», «повелитель», «полноправный хозяин», которому нужно было беспрекословно подчиняться. Малейшее нарушение этого пра-

вила угрожало самыми жестокими, беспощадными и иногда бесчеловечными наказаниями, которые выбирал по своей прихоти и безнаказанно господин.

Но необходимо различать разные «степени» существовавшего в древности рабства. Самая низшая и тяжелая форма рабства было рабство военных пленников, с которыми именно так немилосердно, бесчеловечно и поступали. Рабам-пленникам выкалывали глаза, отрезали члены тела, всячески увечили, относились к ним, как к животным и вещам. Такой «сорт» рабства заключающегося в слове «эбэд» можно усмотреть, например, в тех местах Библии, где говорится об ужасном состоянии евреев в Египте. (Исх. I, 14, V, 7, Втор. V, 6). Поэтому египетское рабство переводится во французских Библиях словом «esclavage» и сам Египет называется «Домом рабства» — «maison de servitude». Когда французские переводчики думали, что священно-писатель хочет выразить идею абсолютного подчинения, унижения и неволи человека, т. е. рабства в русском смысле слова, то они «эбэд» переводили словом «esclave»: «Maudit soit Canaan! Qu'il soit pour ses frères le dernier des esclaves!» (Быт. IX, 25. Пс. 105, 17. Иер. II, 14).

Когда братья Иосифа, заподозренные в краже серебряной чаши у фараона, оправдывались и уверяли египетского посланника, что они ничего не крали, то, для большего уверения в истинности их слов, они согласны были на самое сильное наказание и рабство... И тут французские переводчики справедливо переводят «эбэд» опять-таки словом «esclavage» (Быт. 44, 9).

Но в книге Левит — XXV, 39, 42, 46 — где говорится о рабах из евреев в отличие от рабов из пленных иностранцев, французские переводчики делают различие, и рабов взятых в плен из иностранцев называют «esclaves», а евреев «mercenaires» или «serviteurs». Это же различие между разными состояниями рабства делается французскими переводчиками и в других местах. (Втор. XV, 12-18. II. Цар. IX, 1-13. I. Пар. II, 34).

К женам и к детям в древности относились отчасти как к рабам (да и брали себе в жены часто рабынь-пленниц). Жены и дети могли быть проданы и наказаны по усмотрению хозяина. (Исх. XXI, 7, 17. Притч. XXIII, 13. Быт. XVI, 6. Втор. XXI, 18-22). Но опять-таки и тут на страницах Библии можно усмотреть градации отношений. (Втор. XXI, 10-14. Лев. XXV, 39-55).

Библейские рабы часто бывали советниками и друзьями своих господ. (I. Цар. IX, 3-10. XXV, 14-17). Раба своего Елизера Авраам готов был даже сделать наследником всего состояния.

(Быт. XV, 2-3). Царь Иеровоам сделал раба своего Елиакима начальником дворца и так-сказать «министром!» (Ис. 22, 15). Нужно сказать, что отношение к рабам изменялось и со временем делалось постепенно более человечным. Этот прогресс виден на страницах Библии. Так, например, закон о рабах во Второзаконии (Втор. XV, 12-18) уже значительно мягче, чем в Книге Завета. (Исх. XXI-XXIII)*).

Иногда слово «эбэд» в Библии не имело не только уничижительного смысла подневольности и рабства, а свидетельствовало об особой привилегии, избранничестве и помазании. Так, например, «рабами Божиими» в этом особом смысле были Авраам (Быт. XXVI, 24), патриархи Исаак и Иаков (Исх. XXXII, 13. Втор. IX, 27), Моисей (Числ. XII, 7), Давид (II Цар. III, 18. III Цар. XVIII, 26. Иов. 1,8), пророки (Амос. III, 7), Зоровавель (Агг. II, 23) и даже Навуходоносор! (Иер. XXVII, 6). Во всех этих случаях славянская и русская Библии говорят о рабах, а все французские Библии**) переводят «serviteur», что, конечно больше соответствует духу того служения, на которое эти избранники и помазанники Божии поставлялись!

Особенно это нужно сказать относительно того исключительного смысла «Эбэд Яхвэ», о котором говорит второ-Исаия в тех главах, которые христианская Церковь считает мессианскими и относящимися ко Христу-Помазаннику. (Ис. 42, 1-9, 49, 1-6, 50, 4-11, 52,13, 53, 12). В этих главах о таинственном «Рабе Господнем» (Эбэд Яхвэ) пишутся такие удивительные, и не соответствующие обыденному представлению о рабах, вещи, что даже русские переводчики тут позволили себе изменить в одном случае***) — и неизвестно почему не во всех?! — этого таинственного и великого «Раба Божия» называют не Рабом а «Отроком». (См. русск. Библ. Ис. 42,1. Мт. XII, 18 и славянск. Библ. Ис. 42,1, 52,13, 53,3).

В указанных главах второ-Исаии говорится, что этот «Эбэд Яхвэ» («Serviteur») был предизбран Богом на свое особое служение и на Нем почитет Дух Божий. Его миссия — возвестить всем народам суд и правду и Он предназначен Богом «в

*) То «освобождение рабов», о котором говорит пр. Иеремия (34 гл.), не имеет интереса в смысле эволюции сознания, ибо это освобождение было вынуждено политическими обстоятельствами.

**) Vigouroux (1916), L. Segona (1924), Fillion (1930), Crampon (1939), Bible du Centenaire (1945), Pirot (1947), V. de Jérusalem (1957), Dhome (1959), Steinmann (1960).

***) А в славянской Библии даже в трех случаях.

Завет для народа Божия и во свет язычникам». (*Que le Serviteur est l'Agent grâce auquel se réalise l'alliance et se répand la lumière*).

Через Него откроются глаза слепых и освободятся узники, через Него Сам Бог прославится! Ему даны особые дары и особая помощь Божия, в частности «язык мудрецов», чтобы словом, с одной стороны, укреплять бедных, изнемогающих людей, а с другой, приводить к молчанию и в замешательство царей! Он искупит и оправдает людей от их грехов своею смертью, взяв на Себя людские немощи. Он — Праведник и Ходатай пред Богом и почтен в очах Господних. Он — Его Помазанник. Он — свет миру и его Спаситель.

Девтеро-Исаия наделяет «Эбэд Яхвэ» такими качествами, такой исключительной честью и величием, что это не позволяет нам понимать Его в обыденном смысле слова «раб»! Конечно «Эбэд Яхвэ» исполняет возложенное на Него служение, но служение это не подневольное, не рабское, а свободное, добровольное, сыновнее.

Сын Божий приходил в мир, чтобы послужить людям: «Сын Человеческий не для того приходил, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления всех». (Мт. XX, 28).

Служение совсем не унижительно, а благородно. В служении сказывается величие духа, небесный аристократизм — чего нет в рабстве.

И Божественный Служитель призывает к служению Своих учеников: «Князья народов земных господствуют над ними, и вельможи властвуют ими — говорит Христос — но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою!» (Мт. XXII, 26).

Если первая заповедь Божия есть **любовь**, то нужно сказать, что нет любви без служения. Любящий хочет послужить любимому, быть ему полезным, ему помочь, готов его спасти и, если нужно, готов пожертвовать за него даже своею жизнью. И Христос, этот великий «Эбэд Яхвэ», отдал Свою жизнь на кресте для всеобщего спасения.

Ученики Христа тоже считали себя служителями. (I. Кор. III, 51; II. Кор. VI, 4; Еф. VI, 21; Фил. II, 25; Кол. I, 7; I. Фес. III, 2; I. Петр. IV, 10; Рим. XII, 11). Свои дарования, таланты и харизмы они рассматривали, как данные им на служение людям. (I. Кор. XII, 5; Рим. XII, 1; XIII, 6; I. Кор. XII, 5-12) «дабы все члены тела (Церкви) одинаково заботились друг о друге». (I. Кор. XII,

25; Еф. IV, 12). Молитва и религиозная жизнь вообще, рассматривается в Библии как «служение» Богу. (Де. XIII, 2; Лк. I, 75; Дан. III, 7; Соф. III, 9; Лк. VIII, 3; Лк. 22, 27; Ио. XII, 26). И наша соборная молитва справедливо называется «богослужением», а священники — «священнослужителями».

Но в христианском служении Богу и людям совсем нет того одиозного и унижительного для человека смысла, какой содержится в слове «раб».

Характерная, специфическая черта рабства — отсутствие свободы, подневолье. Человек же есть существо свободное. Нельзя не только отнимать у человека свободы, но человек не может своей свободой и отдавать. Свобода человека, — говорит Бердяев, — есть не только его право, но его бремя. (За это Николая Александровича в шутку называли «пленником свободы!»). Бог захотел сделать человека свободным, захотел не иметь над ним, как над рабом, абсолютной власти. В этом религиозно-философский парадокс свободы. Человек не может не быть свободным, от своей свободы он не имеет права отказаться! И нужно сказать, что если не утверждать этой изначальной, Богом данной человеку свободы, то не возможна была бы никакая теодицея, ибо если человек не был бы свободен, то пришлось бы отнести на Господа Бога все зло, которое делает человек — войны, зверства, безобразия!.. Теодицея возможна лишь при допущении человеческой свободы. (И даже некоторой свободы у всего творения вообще — как об этом учит Н. О. Лосский).

Человеческая свобода есть, может-быть, самая главная составная часть того «образа и подобия Божия», которым наделил Создатель Свое высшее творение. Но благодаря наличию у Адама и Евы этого вершинного, изначального дара, совершилось их грехопадение. Можно этому удивляться, философски недоумевать перед тайной человеческой свободы, можно даже протестовать и, при желании, безумствовать и неистовствовать (как Иван Карамазов)... но факт остается фактом: человек свободен и может выбирать!

«Или жить как все на свете,
Или... умирать!»

(Георгий Иванов)

Однако, если человеческая свобода повлекла ко грехопадению, и зло в мире — (поскольку человек есть микрокосм и мир антропоцентричен) — объяснимо ею, то, с другой стороны, благодаря тому, что человек свободен, возможно было осуществление

богочеловечения в человека, осуществление этого предельного замысла Божия. Бог захотел создать свободное существо, которое было бы достойно этого воплощения. Об этом с исключительной гениальностью учит преп. Максим Исповедник.

Все, что делает человек, ценно для Бога лишь в том случае, если делается свободно. В этом смысл Евангельских слов «Я не называю вас рабами... но друзьями». (Ио. XV, 15).

В древнем рабстве есть нечто совершенно неприемлемое для христианского, религиозного сознания и для христианской социологии и антропологии. Советская атеистическая литература грешит, путая вещи и обвиняя христианство в том, в чем оно не виновато. Христианство проповедует освобождение человека от всяческого рабства — от рабства греху, человеку и даже Богу! Человек ни перед чем не должен унижаться и раболепствовать. Наоборот, он должен всегда возвышаться, «горе иметь сердца» и свободно творить. Христос учил об освобождении человека через познание Истины. (Ио. VIII, 32). Христу нужны не автоматы, не рабы, но свободные друзья.

Безбожники обвиняют ап. Павла и других Учителей Церкви в том, что они де не боролись против рабства, но призывали к покорности властям. (Еф. VI, 5; I. Тим. VI, 1; I. Кор. VII, 20, 24). Но наши противники не понимают, что плененные Христом суть плененные Его свободой — пленники свободы от греха. Они не понимают, что, взявши на себя «иго» Христова, люди освобождаются от рабства греху (как об этом пишет ап. Павел в Послании к Коринфянам, VII, 22), независимо от своего социального положения, т. е. были ли они господами или рабами. Употребляя библейский, социальный термин «рабства» Богу (Рим. VI, 16, 22), апостол вовсе не вкладывает в него отрицательный, одиозный смысл раболепства, он сам себе не противоречит, зная, что во Христе мы уже не рабы, а свободные. Галатам он определенно пишет: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». (V, 1). «К свободе призваны вы, братья!» (V, 13). «Вы все — сыны Божии по вере во Христа Иисуса». (III, 26).

Основоположник человеческой свободы Господь наш Иисус Христос, употребляя библейский термин «раба» в Своих притчах, говорил на языке современности. В эпоху Христа и апостолов рабство еще не было упразднено. И социоморфизм евангельского языка так же понятен и оправдан, как социоморфизм языка библейского. Когда Христос говорит: «Кто хочет между вами быть первым, пусть будет вам рабом» (Мт. XX, 27) — (и тут во всех

французских переводах стоит «esclave») — то это вовсе не означает, что Христос призывает нас к подневольной, рабской и лакейской психологии, но образно изображает грех тщеславия, гордыни и самомнения.

Когда ап. Павел пишет: «Ныне вы освободились от греха и стали рабами Богу». (Рим. VI, 22) или: «Призванный ко Христу из рабов есть свободный Господа, равно и призванный ко Христу из свободных (т. е. из господ) есть раб Христов»*), (I. Кор. VII, 22) ап. Павел, говоря о рабстве Богу и Христу, имеет в виду настоящую свободу «новой твари», независимо от социального положения.

Некоторые христиане в защиту слова «раб» Господень говорят, что в этом сказывается смирение и послушание воле Божией, и что словами «Да будет воля Твоя» даже Христос закончил Свою молитву в Гефсиманском Саду, и что не случайно одна из трех фундаментальных монашеских добродетелей есть **отказ от своей воли** и полное послушание Христу в лице игумена или старца.

Нужно сказать, что в вопросе о смирении и послушании происходит часто большое **недоразумение**, дающее повод врагам христианства обвинять его в проповеди пассивности, раболепстве пред «сильными мира сего» и в покорности пред социальной несправедливостью.

Нужно напомнить не только безбожникам, но и самим христианам, что огульно смиряться перед всем христианин вовсе не должен! Христианин не должен смиряться со злом, с неправдой, с безобразием, с болезнью, с человеческой жестокостью, с дьяволом... Христианин должен смиряться лишь перед Правдой, перед Добром, Любовью, Красотой... т. е. пред Богом. Утверждать, что христианство призывает людей к пассивности и рабскому безотчетному послушанию, есть клевета на христианство, в которой были виноваты, отчасти может-быть сами христиане, искажавшие понятие смирения. Христианство вовсе не равнодушно было к классовой несправедливости. И непредвзятому историку видно, что в освобождении рабов и в эмансипации женщин христианство сыграло первую роль. Но дело в том, что христианские методы иные, чем политические «быстрые» методы мира сего, и ни апостолы, ни святые не могли быть революционерами, не могли призывать к вооруженным восстаниям угнетенные классы. Христианскую проповедь смирения вовсе нельзя назвать проповедью пассивно-

*) В обоих случаях все французские переводчики сохраняют слово «esclave».

сти! Смирение вовсе не пассивно!*) Но оно долготерпит, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... потому что основано на любви. (I. Кор. XIII).

«Да будет воля Твоя!» есть молитва о том, чтобы мое желание совпало с желанием Божиим, чтобы я нашел в себе и развил те желания, какие задумал обо мне Бог в Своей Премудрости. Ибо цель моей жизни есть реализация замысла Божия обо мне. Бог хочет, чтобы эта реализация совершилась с моей стороны не рабски, а свободно, **сыновне**. Как сын, имеющий в себе нечто от Отца, я должен быть внимателен к тому, что у меня с Ним есть общего, ценя это общее, любя его, не только как трансцендентное мне, но и имманентное, т. е. как нечто принадлежащее мне по природе, как мое, тварное так же как и Его Божественное. Думая таким образом, я исполняю Его волю, точнее говоря, **так** моя воля будет идентична воле моего Творца.

Что касается монашеского отказа от своей воли, то положительный смысл этого воспитательный, аскетический, педагогический и временный, а не окончательный. Аскеза и педагогика не являются целью, но лишь средством. (Гал. III, 24-26). Послушание игумену полезно для воспитания воли, для того чтобы вырасти закаленным духовным борцом, членом «воинствующей» Церкви, а не мягкотелым и расслабленным сибаритом и «рабом греха». Но наступит время, когда монах должен, так-сказать, «выйти в люди» и почувствовать себя **сыном** Божиим, а не подневольным рабом и послушником игумена. Наступит время, когда Божия Матерь заступится за монаха, свободы которого не щадил игумен, и скажет педагогу-игумену, как она сказала однажды про Иоанна Дамаскина:

...«Над вольной мыслью Богу неугодны
Насилие и гнет:
Она, в душе рожденная свободно,
В оковах не умрет!

«Почто ты гонишь Иоанна?» —
Она монаху говорит: —
«Бог дал природе изобилье
И бег струящимся рекам,
Он дал движенье облакам,
Земле цветы и птицам крылья.

*) Оно требует большой внутренней активности духа.

Почто ж певца живую речь
Сковал ты заповедью трудной?
Оставь его глаголу течь
Рекой певучей неоскудно!

Да оросят его мечты,
Как дождь, житейскую долину —
Оставь земле ее цветы,
Оставь созвучья Дамаскину!»

(А. Толстой: «Иоанн Дамаскин»).

И, как известно, игумен освободил композитора и поэта Дамаскина от его монашеского послушания и позволил ему сочинять музыку и стихи.

Нельзя всю жизнь оставаться послушником и повиноваться только чужой воле, а волю собственную игнорировать! Человеку дана его воля (как талант) для того, чтобы он ее употреблял в дело. Человеческая личность незаменима и воля игумена, его вкусы и убеждения и решения не заменят собственной воли, собственных вкусов, убеждений, решений монаха.

На Последнем Суде с человека взыщется не только то, как он слушался других, но и то, как он реализовал в жизни свое призвание, как он творил, как выбирал, как проявлял свою инициативу, как строил, как украшал мир, какие краски и какие звуки и слова выбирал он для своих картин, для своих композиций и стихов.

Для творчества вначале необходимо пройти школу послушания и смирения: на первых порах его жизни, Бетховену нужно было пройти школу Моцарта и Гайдена и внимательно прислушиваться к их традиции. Но к счастью, когда Бетховен вырос, он перерос и свое послушание Моцарту. К счастью и Скрябин не всю жизнь оставался послушником Шопена и Шумана. И монахом, т. е. человеком отказывающимся от своей воли, нельзя быть всю жизнь, не впадая в моно-фелитство. (Моно-фелиты, как известно, умаляли волю человеческую во Христе и говорили, что она подчинена и сожжена волей Божественной). Человеческую волю, как и человеческую природу, мы призваны не убивать, а преобразовать и совершенствовать.

Мы должны осудить психологию и состояние рабства как состояние подневольности, подвластности и безусловной, беспрекословной, не творческой покорности. Раб лишь из боязни исполняет то, что приказывает ему его господин, боясь подвергнуться наказанию. Стимул активности раба есть страх наказания. И в

древности рабов можно было наказывать до полусмерти. Поэтому в Ветхом Завете так часто и говорилось о служении Богу «со страхом и трепетом», что на религиозные отношения человека к Богу переносились тогдашние отношения рабов к своим владыкам. Бог часто рисуется на страницах Библии как страшный и ужасный и самое нормальное и естественное пред Ним чувство, это чувство религиозного трепета.

Новозаветное же отношение к Богу основано не на страхе, а на любви. Апостол Иоанн так и говорит: «В любви нет страха!» «Совершенная любовь изгоняет страх». (I. Ио. IV, 18). И если в Новом Завете мы иногда читаем о страхе Божиим, то психология этого страха уже иная, чем в Ветхом Завете: любящий боится не наказания, а боится обидеть или огорчить любимого.

Интересно заметить, что так называемый «Страшный Суд» в конце нашего эона, нигде в Евангелии не называется «страшным»! Не знаю, кто придумал это название к суду Христову, который говорил ведь, что приходил не судить мир, но спасти его (Ио. XII, 47; Мт. XVIII, 11; Лк. IX, 56). По немощи людской, по людской растерянности и легкомыслию, Правда Божия представляется страшной. На самом же деле она не страшна, а милостива, неимоверно любовна и снисходительна! На Суде Божиим, на так называемом «Страшном Суде», мы ужаснемся нашего жестокосердия и скудости в нас любви. Нам будет страшно увидеть наше несоответствие с замыслом Божиим о нас. Нам будет страшно увидеть в нас малость любви. Мы были созданы по образу и подобию Божию, — а Бог есть Любовь — в нас же почти совсем нет любви, ни жалости к людям, ни милосердия, ни силы прощать!.. Совсем не наказания страшимся мы Страшносудного, но страшимся нашей наготы и опустошенности, нашего блудного отщевия «в страну далечу» от Источника жизни и радости, и Любви и Красоты.

Поэтому слово «Страшный Иегова» (Которого, согласно библейской терминологии, трепещут херувимы и серафимы) должно быть заменено в новом Завете, тоже как и «раб», другим словом, словом не дающим повода безбожникам делать вывод, что религиозное чувство христиан основано на страхе.

«В любви нет страха» — эти слова апостола любви доминируют для нас все ветхозаветные представления и термины о Боге, в которых сказывается социо-морфизм рабовладельческой эпохи. Мы уже не рабы, но сыны, — свободные сыны Божии по вере (Гал. III, 26; IV, 7) и наследники Божии через Иисуса Христа, взывающие Ему: «Авва, Отче!» (IV, 6). Мы — служители Нового Завета, свободные служители и друзья Божии!

ХРИСТИАНСКИЙ ЕГИПЕТ

В апреле 1964 года я с женой провел 3 недели в Египте. Встреча с церковью в этой стране воинствующего Ислама произвела на нас глубокое впечатление и заставила меня вернуться к теме, давно уже занимающей меня, а именно к причинам, вызвавшим поражение Христианства на Ближнем Востоке. Мне хочется поделиться с читателями «Вестника» мыслями и наблюдениями, вынесенными из этой поездки.

I. — Монастырь Св. Екатерины в Синае

Первая часть нашего посещения Египта была посвящена паломничеству в монастырь Св. Екатерины. До сравнительно недавнего времени Синай был доступен лишь лицам, обладавшим временем и средствами. За последние 2-3 года все изменилось. Любое туристическое агентство в Каире готово устроить эту поездку, достать все нужные для нее разрешения и снабдить паломника и автомобилем и провизией, так как монахи не могут прокормить своих посетителей.

Монастырь находится в 400 километрах от Каира в южной оконечности Синайского полуострова. Вначале дорога идет вдоль Красного моря, а последние 150 километров она пролегает по дикой пустыне. Опытные возницы умело ведут свои машины среди камней и песков, вдоль высохших русл когда-то протекавших там рек.

Древняя обитель расположена в узкой долине у подножия двух отвесных гор. На одной из них, по преданию, пророк Моисей получил скрижали Ветхого Завета, на другой были найдены мощи мученицы Екатерины Александрийской. Трудно описать красоту и величие Синая, места столь насыщенного священными воспоминаниями. Гранитные скалы красных и лиловых цветов поднимаются из оранжевых песков пустыни, белые стены монастыря и его кипарисы отчетливо выделяются в прозрачном воздухе под сводом темно синего безоблачного неба.

Игумен обители Архиепископ Порфирий III возглавляет самую малочисленную из Православных Афтокефальных церквей, состоящую всего из сотни членов. Кроме монахов, его паства вклю-

чает несколько греческих и сирийских семейств, живущих в прибрежных поселках Синайского полуострова.

Монастырь был построен в шестом веке при Императоре Юстиниане (527-565). Благодаря исключительной сухости воздуха и своему неприступному положению, он хранит в своих стенах редчайшее собрание рукописей и икон. До последних лет эти сокровища Византийского искусства оставались под спудом. Считалось, что древнейшая икона, сохранившаяся до нашего времени, была Владимирская икона Божией Матери XII века. Теперь были найдены в Синае иконы шестого и седьмого веков. Все эти иконы очищены, изучены, обновлены и украшают собор и многочисленные часовни монастыря. Более тысячи из них находятся в музее, только что открытом для паломников. Большинство туристов приезжают в Синай ради красоты его местоположения и чтобы увидеть собрание икон. Они мало соприкасаются с жизнью монастыря, хотя они и ночуют в его стенах.

Мы же, как Православные паломники, близко познакомились с обителью. В настоящее время в ней находится только 12 монахов, все они греки. Им нужно иметь не менее 30-ти иноков, чтобы выполнять все необходимые послушания. Несмотря на свою малочисленность, монахи благоговейно соблюдают свой строгий устав. Служба начинается в 3 часа ночи и длится до 7-ми. Вечерняя продолжается от двух до трех с половиной. Встретила нас братия очень радушно и мы много беседовали с ними. Все возрастающий поток туристов (главным образом американцев и французов, за ними идут англичане, скандинавцы и итальянцы), ставит перед монастырем ряд трудных вопросов. Большинство иностранцев ничего не знает ни о Православии, ни о Восточном монашестве, но попав на Синай, они обычно начинают интересоваться нашей церковью. У монахов, однако, нет ни времени, ни подготовки для разговоров с туристами. Они стараются оградить себя от их нередко шумной толпы. В прошлом Синай был местом встречи Западных и Восточных Христиан. Даже после схизмы между Римом и Константинополем, монастырь охотно раскрывал свои двери для Западных паломников. Он мог бы и теперь послужить делу Христианского примирения, но для этого необходимо увеличение числа монахов, особенно с богословским образованием.

Во время нашего пребывания там мы встретили большую группу Римо-Католических паломников, они служили мессу на вершине Моисеевой горы и все причащались. Среди них было несколько лиц любящих и понимающих Православие, но и они не познакомились ни с кем из монахов. Мощи Св. Екатерины и часов-

ня «неопалимой купины» являются главными святынями монастыря. Русские люди во главе со своими царями щедро одаривали в прошлом эту обитель. Их дары тщательно оберегаются до сих пор монахами. Покинули мы Синай с чувством благодарности Богу, что и нам удалось поклониться одному из самых святых мест в истории человечества.

II. — Коптская Церковь

Нашими спутниками на Синай были три молодых богослова, члены Коптской Церкви. В пятом веке распря поразила Христиан в Египте. Подавляющее большинство их откололось от Константинополя и они до сих пор не находятся в общении с нами. Эти Христиане, сохранившие много древних черт в своем богослужении и богословии, и называются Коптами. В прошлом, между ними и Греками было мало общения. Наши новые друзья Копты поэтому хотели свое первое посещение Греческого монастыря совершить вместе с нами — русскими, так как боялись, что не будут там желанными гостями. Однако, их опасения не оправдались. Приняты они были доброжелательно и им удалось установить дружескую связь с монастырем. Вернувшись в Каир, они познакомили нас с их Папой Кириллом IV и другими видными представителями своей Церкви. Так открылся перед нами мир Коптского Православия, мало доступный посторонним наблюдателям.

Долина Нила, этот когда-то могучий оплот раннего Христианства, была завоевана арабами в 642 году. Вначале магометане были лишь незначительной кучкой, но постепенно они стали большинством населения. В настоящее время из 25 миллионов жителей только 4 миллиона сохранили свою христианскую веру, но не свой язык. Копты говорят теперь по-арабски и только в Церкви они слышат свой древний египетский язык.

Магометане легко захватили Египет, так как страна раздиралась на части губительной борьбой среди Православных. Население встретило арабов как освободителей от преследования Византийских Императоров. В действительности же, Ислам принес христианам не свободу, а еще более тяжелое порабощение, которое длится уже 13 веков. Все это время Копты были предоставлены своей участи. Они не находились в общении ни с Константинополем, ни с Римом. Не имея нигде ни друзей, ни опоры, они оказались жертвой деспотической власти своих победителей. Но, несмотря на все гонения и унижения, испытанные ими, многие из них остались верными своей вере. Встреча с Коптами глубоко вол-

нительна особенно для нас русских, так как это встреча с Церковью мучеников и исповедников.

В настоящее время Копты находятся на распутье. Вместе с остальным Египтом они брошены в водоворот политических и экономических перемен. Страна вступила в полосу социальной революции. Христиане же кроме того подвержены давлению той власти, которая всячески поддерживает Ислам, как религию преобладающего большинства.

Копты вышли из долгого периода застоя. Многие из них ищут путей обновления своей церкви и перед ними встает вопрос о примирении с сестрами-Православными церквями, с которыми они прервали общение пятнадцать веков тому назад.

Их церковная жизнь представляет своеобразное сочетание новейших методов работы с молодежью с обычаями и обрядами глубокой древности. Так, например, их миряне до сих пор причащаются в алтаре отдельно хлебом и вином, они гораздо активнее участвуют в богослужении, чем в наших церквях, несмотря на то, что их литургия длится 3-4 часа и страдает от повторений и длиннот.

Службу свою Копты и знают и любят. Нигде, кроме России, я не видал такой горячей соборной молитвы, как в Египте. Мужчины, женщины и дети с поднятыми руками поют всей церковью, их многочисленные диаконы стоят рядами перед царскими вратами. Они бьют в цимбалы и триангли и руководят мирской частью Богослужения. Миряне знают наизусть литургические молитвы и повторяют их за духовенством.

Вся атмосфера этих служб переносит во времена раннего христианства. Активное участие Коптов-мирян не ограничивается богослужением. Они сохранили право избрания епископов и священников, они же несут ответственность за управление приходами. В прошлом, одним из главных недочетов их церкви был низкий образовательный уровень их духовенства, но сравнительно недавно открывшаяся семинария восполняет этот недостаток. В ней учатся около 200 студентов, во главе ее стоит Архимандрит Пахум (Пахомий), доктор Манчестерского Университета, высокообразованный богослов. Коптский Институт в Каире устраивает лекции и классы для изучения истории, культуры, языка и искусства египетского христианства. Два года тому назад в Каире была основана епископская кафедра для поддержания экуменических отношений и для расширения социальной деятельности церкви.

Нас особенно заинтересовало только что возникшее братство celibатных мирян и юношеская работа, которая ведется как этим

братством, так и отдельными приходами. Члены братства — люди с высшим образованием. Они продолжают свою профессиональную деятельность, но все свое свободное время отдают церкви. Они проповедуют, занимаются с молодежью и с детьми. Мы присутствовали на нескольких службах, специально предназначенных для молодежи. На одну такую службу в Каире собралось около 300 молодых людей студенческого возраста, несмотря на то, что это был будничным день. В Ассуане мы случайно зашли поздно вечером в Коптскую церковь. Сорок юношей и девиц совершали молитву без священника, один из них сказал слово после чтения им Евангелия, застенчиво и горячо. Кружки молодежи существуют также в Александрии и других городах. Мы познакомились с молодым священником, всецело отдающим себя студенческой работе. Мы были обрадованы узнать, что началось обновление и коптского монашества. Две женские обители находятся в Каире, в одной из них одна молодая монахиня подробно расспрашивала нас о положении церкви в России. Недавно возникло монашеское братство, состоящее из лиц с высшим образованием. Они живут в пещерах по образу отцов пустынников, более обширная пещера служит им церковью; собираются они вместе только для богослужения. Эти современные отшельники близко принимают к сердцу нужды своей церкви, они издают книги религиозного содержания, как переводные так и оригинальные, широко распространяющиеся среди верующих.

Церковь в Египте полна жизни, но много препятствий, внутренних и внешних, стоят на пути ее дальнейшего роста. Надо верить, что огонь молитвы ее членов сможет противостоять всем тем, кто стремится к ее уничтожению.

III. — Ислам и Христианство

Близкое соприкосновение с верой и благочестием Коптов, столь сродных нам по духу, с новой остротой поставило передо мной вопрос, почему Ислам победил Христианство и именно в этой стране, обильно освященной молитвами и подвигами великих Египетских святых: Антония, Афанасия, Кирилла, Макария, Пахомия и их многочисленных сподвижников и учеников. Почему лишь меньшинство осталось верным Евангельскому благовестию и Египет стал оплотом Магометанства.

Эти недоуменные вопросы подводят к самой загадочной странице религиозной истории человечества, к внезапному возникновению Ислама в Аравии, к его молниеносному распространению по

Азии и Африке и к той власти, которой он до сих пор обладает над своими сторонниками. Перед нами, христианами, стоит неразрешенная загадка личности Магомета (570-632). Кто был этот основатель мировой религии? Последний из Боговдохновенных пророков, как верят его приверженцы, обманщик и еретик, каким его считали и до сих пор считают большинство христиан, или же Богом посланное наказание расколовшейся церкви, к чему начинают склоняться некоторые церковные историки. Для нас, православных, правильный ответ на этот вопрос особенно насущен, так как Ислам одержал свои победы не над Западным, а над Восточным Христианством.

Проповедь Магомета была сначала обращена к язычникам, поклонявшимся своим богам и ведшим непрерывную борьбу между собою. Он открыл им истину Единого Бога, Творца вселенной, он познакомил их, хотя и в ущербленном виде, с Ветхим и Новым Заветом и возвестил им о Христе, грядущем Судии живых и мертвых. Его учение открыло новые горизонты людям, жившим в Аравийской пустыне. Почему же Ислам, который сначала мог казаться дверью, ведущей язычников к полноте Христианства, превратился в непреодолимое препятствие для распространения истинной веры, а в странах, где уже было проповедано Евангелие, он принес с собой умственный застой, порабощение женщины и упадок искусства?

Разнообразные политические и социальные причины способствовали быстрому покорению стран Ближнего Востока арабскими завоевателями. Эти победы привели, однако, не к растворению вторгшихся армий в церковных общинах, а к обратному процессу роста Ислама за счет Христианской церкви. Главным центром этого процесса был Египет и роковую роль в нем сыграло его монашество, глубоко уходящее своими корнями в необычайную природу своей страны.

Египет неповторим. Он отличается от всех других стран. Живя в нем, человек по иному встает лицом к лицу перед вечной загадкой жизни и смерти. Священная, мощная река течет среди раскаленных песков, которые отделяют Египет от остального мира. Внутри же его идет никогда не прекращающаяся борьба между животворящей силой влаги и страшным напором мертвой пустыни. Каждый год воды Нила покрывают своим благодатным покровом бесплодные пески, превращая их в цветущий сад, произрастающий в изобилии разнообразные плоды матери земли. Но пустыня остается непокоренной, она со всех сторон окружает Египет и ее угроза висит над всеми. Стоит лишь реке не выйти из своих бере-

гов, как исчезает плодородие Египта и прекращается жизнь его обитателей. С древних времен человек был захвачен этой борьбой жизни и смерти. Жители Египта пытались при помощи магии оградить себя от уничтожения. Они хотели продолжить свое земное существование, искусственно сохраняя тела своих умерших и наполняя их гробницы всеми предметами обихода. Они обманывали себя, думая, что и после смерти, жизнь будет течь по знакомому земному руслу. Но смерть не поддавалась их заклинаниям, наоборот, она доминировала над жизнью Египта. Каждый фараон, с самого начала своего царствования, приступал к устройству своей гробницы. Его главной заботой становилось обеспечение того сложного ритуала, который, один мог спасти его от небытия.

Христианство потрясло языческий Египет. Старый мир рухнул. Евангельское благовестие освободило страну от власти магии и страха уничтожения. Христианский Египет двинулся на пустыню. Египетское монашество на время обезлюдило зеленую долину, люди стали тысячами покидать свои жилища и уходить жить в расщелинах скал.

Это было одно из самых дерзновенных движений в истории человечества. Аскеты хотели приобрести бестелесность ангелов, они отрекались от семьи, от обычного труда, от забот о насущном хлебе. Они водрузили свое знамя там, где раньше безраздельно царила смерть. Они верили, что Воскресший Христос даровал им победу над этим извечным врагом человечества.

Только побывав в Фиваиде, я понял всю драматическую напряженность этой аскетической борьбы. Пещеры фиваидских отшельников усеивают величественные отроги пустынных гор, внизу у подножий скал, в песочных глубинах находятся гробницы фараонов, а дальше начинается плодородная долина. Пустынники могли видеть тот мир, который они оставили ради Царствия Божия.

Как отлична наша русская зеленая «пустыня», куда уходили наши иноки, и как по-иному проходили они свой путь подвижничества, окруженные не бесплодными песками, а звериным и птичьим миром Средней и Северной России.

В этой героической борьбе со смертью египетские монахи всецело отдались аскетике и борьбе с немощью плоти. Из их сознания исчезла задача строительства жизни на земле, данная Богом человеку. Они потеряли из виду, что в Евхаристии, а не в отказе от пищи и сна, лежит царский путь общения человека с Богом. Страх смерти был побежден, но она обернулась искушением фанатической приверженности к «истине» и соблазном нетерпимости к инакомыслящим. Эти демоны пустыни с разрушитель-

ной силой прорвались наружу в той борьбе за церковное первенство, которая разгорелась в пятом веке в Византийской Империи.

Эта борьба началась с соревнования между двумя могущественными носителями иерархической власти — Патриархами Константинопольским и Александрийским, а кончилась расколом и непримиримой враждой между «халкедонцами» и «монофизитами».

Египетское монашество приняло самое страстное участие в этой братоубийственной брани. Они толпами сопровождали своих епископов на соборы и там не только словесно, но и физически нападали на всех несогласных с ними. Внутри же своей страны они препятствовали всем попыткам к примирению.

В своем ослеплении обе стороны обвиняли друг друга в отступничестве от Православия и на этом основании оправдывали свою ненависть к противникам. Современный историк должен признать, что обе партии в основах своей веры оставались Православными, что разница в богословских выражениях не обозначала отхода от Апостольского Предания, что и халкедонцы и монофизиты продолжали верить в Иисуса Христа как истинного Бога и подлинного человека.

Египет пал под ударами Магомета, когда церковь потеряла свое единство. Полумесiac восторжествовал над Крестом Господним не в период упадка веры, он победил Христиан, возненавидевших друг друга и утеравших мудрое отношение к богословским спорам и аскезе. Отрекшись от братской любви, они не смогли раскрыть последователям Пророка возрождающую силу и полноту Христианства. Ислам, как песок пустыни, погасил пламя вражды между Христианами и восстановил чувство меры, утерянное православными аскетами.

Ислам оказался сильнее раздробленного Христианства. Он продолжает быть непроницаемым для его влияния, поскольку члены церкви уклоняются от восстановления братского общения друг с другом и от подвига покаяния за свое отступничество от заповеди любви. Этот отказ не только обрек их на порабощение на всем ближнем Востоке, но и закрыл доступ к свету Евангелия для миллионов насельников Азии и Африки.

Оксфорд, 28 мая 1964 г.

О ТОМ, ЧТО ТАКОЕ КУЛЬТУРА

Двух-трех страниц для беседы о культуре маловато, тем более, что смысл этого слова колеблется из-за соседства со смыслом другого слова, «цивилизация». Я поэтому тему свою ограничу и поведу речь о культуре лишь применительно к отдельным людям, о которых говорят, что они «культурны», или «некультурны», а не к целым странам или эпохам, и не к «культурам», во множественном числе. Этим я, кстати сказать, и приближусь к первоначальному смыслу этого слова, который еще сохранился в нашем заимствованном у французов глаголе «культивировать», который означает «вращивать», то-есть содействовать росту и зрелости чего-то, что растет и зреет — картошки например, а то и человека, его ума и его души. «Культиватёр» по-французски, это земледелец или огородник; но культивировать можно и любовь к музыке или искусство общаться с людьми. Культура слова, это присутствие некоторым людям умение пользоваться словом, обращаться со словами, или старанье о том, чтобы этому научилось возможно большее количество людей. Вообще же культура или культурность такого-то человека, это его воспитанность и образованность вместе взятые, связанные между собой так, что их уже нельзя одну от другой отделить. Именно так понимали культуру и в древней Греции, хотя соответственного слова у греков не было, но зато и не было отдельных слов для воспитания и образования, а было слово *пайдейя*, значившее и то и другое вместе. Для перевода его, римляне, народ земледельческий, и применили свое слово «культура», обозначавшее прежде лишь культуру огородов и полей; но поначалу переводили его и другим словом, *humanitas*, «человечность», впоследствии получившим слегка измененное значение. Так, от греков и римлян, получили это слово и мы; и не только слово, но и то, что оно значит. Получили и понятие о культуре, и высокие образцы ее самой.

Хотя культура и ведет ко всевозможным открытиям, изобретениям, орудиям, приспособлениям, удобствам, хоть она в них, как во многом другом, и сказывается, но суть ее все-таки не в них. И точно также культурность отдельного человека не сводится ни к каким разобобщенным между собой знаниям и умениям. С образованностью, как я уже сказал, она не совпадает, да и образованность количеством знаний не измеряется; как с другой стороны и

воспитанность не измеряется усвоением того или иного числа «хороших манер» и «добрых правил». Ругаться зловонной русской руганью или сморкаться не пользуясь платком, конечно, некультурно, но отсутствие ругани и наличие платка еще не обеспечивают ни за кем никакой степени культуры. Не дают ее также ни высшая математика, ни игра в шахматы с тридцатью противниками, не глядя на доску, ни начетничество в какой бы то ни было области. А с другой стороны, как не дарует ее грамотность, так и неграмотность — даже в наше время — нельзя считать непреодолимым препятствием на пути к ней. Но тут, лучше чем к доводам, я прибегу к примеру.

Это было в семнадцатом году, между Февралем и Октябрем, весной в Крыму, где я отдыхал после тяжелой болезни. Мы познакомились там, жена и я, с супружеской четой из Москвы, людьми средних лет, средне-купеческого или мещанского звания. Фамилия их была незаурядная и, можно сказать, пророческая: их звали Комиссаровы. Муж ничем замечателен не был. Жена была — иначе не могу выразиться — чудом культуры. Была она полновата, милостива, ходила плавною походкой, все движения ее были мягкие и плавные. Темнорусые волосы причесывала она гладко, на прямой пробор, носила темные широкие платья и всегда платок на плечах, вообще одевалась необычно — на крестьянско-купеческий лад, порусски. Вкус она в этих своих нарядах проявляла исключительный; все к ней шло, ни в чем ни шва, ни складки, ни цвета изменить казалось невозможно. Заглядишься бывало на нее...

Но уж не заслушаться было невозможно. Голос у нее был чудесный — певучий, грудной, а русская речь ее ни с чем, что я прежде или позже слышал, была несравнима, даже с речью Ремизова, все-таки притворялся он немного, даже с речью Бунина, знавшей себе цену слишком хорошо. До тех пор я и не догадывался, что речь эта может быть до такой степени богата оттенками, точна, выразительна, мелодична. О чем бы она ни говорила, можно было слушать ее часами. Сказок она не рассказывала, но любой ее рассказ — о Москве, о деревне, о вчерашнем вечере, о снах, о том, что она увидела утром, распахнув окно — превращался в сказку, в нечто лучшее, чем сказка. И ни разу за этот месяц, проведенный с нею, мы не слышали от нее ни одной пошлости, сплетни, ни одного плоского и пустого слова. «Благообразия не имеют» говорит старец Макар Иванович в «Подростке»; тут это благообразие было, и сколько в нем было прелести! Расставаясь, мы сговорились о переписке, надеялись встретиться опять; но времена были не те. Мы получили от нее всего несколько открыток, не-

значительных и, как по слогу, так и по правописанию, совершенно безграмотных. Только устной была ее культура, но никакой письменной в самом важном не уступала. И какое варварство любая радиопередача о «событиях дня», любая передовица рядом с тем, что мы слушали тогда в Крыму...

С. Ш.

НЕРАЗГАДАНЫЙ ЧЕХОВ

(К 60-ЛЕТИЮ ЕГО СМЕРТИ)

«Чехов до сих пор не понят, как следует: слишком своеобразный, сложный был человек, душа скрытная».

И. Бунин.

Чехова, как человека, читатели и критики всегда знали очень плохо. Начать с того, что в разные периоды своего творчества он являлся перед читателями то как Антоша Чехонте, автор веселых юмористических рассказов; то как Антон Чехов, создатель рассказов о «хмурых людях» конца XIX века; то как драматург, приобретший благодаря Московскому Художественному Театру широкую известность. Все эти различные образы чеховского таланта как-то трудно было уместить в одну живую личность.

Еще меньше читающая публика знала Чехова — человека. Интересно отметить, что до самой смерти писателя не было напечатано ни одной его биографии. Сам он категорически отказывался дать о себе какие-либо автобиографические данные. Редактору газеты «Неделя», просившего Чехова сообщить эти сведения, он написал: «Для меня это нож острый. Не могу писать о себе самом». Когда в 1899 г. издательство Маркса выпускало полное собрание произведений Чехова, то в нем не было ни портрета, ни биографии писателя — на этом настоял сам Чехов. Маркс выпустил десятки собраний сочинений русских писателей и каждое имело портрет и критико-биографический очерк автора, но для Чехова этого не было сделано. В 1904 году Чехов умер и о его жизни читатели узнали только из некрологов.

Отзывы критиков о произведениях Чехова вначале были до-

вольно неблагоприятны. Ранние его юмористические рассказы вообще не интересовали критиков, потому что они не считали эти вещи литературой. Первый, кто оценил талант Чехова, был публицист Суворин. Он перетянул Чехова из мелких журналов в свою газету «Новое Время», повысил ему оплату и начал выпускать сборники его рассказов. Хотя это способствовало известности Чехова, но вызвало неприязнь критиков либерального направления. В те времена каждый писатель принадлежал к какому-либо политическому направлению, а Чехов стоял вне их, а потому его стали называть «писателем без направления». В те годы такая характеристика звучала весьма обидно.

Когда имя Чехова было уже широко известно, журналы и газеты бранили его то за аполитичность, то за сюжеты его коротких рассказов, не имевших, по мнению критиков, «никаких идей». Известный критик Скабичевский писал в 1886 г. про сборник «Пестрые рассказы»: «(Чехов) тратит свой талант на пустяки и пишет первое, что ему придет в голову... Книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства...». Далее критик писал, что таким газетным писателям «приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором...». Другой влиятельный публицист 80-х годов, народник Михайловский, так писал о сборнике Чехова «Хмурые люди»: «Выбор тем г. Чехова поражает своею случайностью. Везут по железной дороге быков в столицу на убой. Г. Чехов пишет рассказ «Холодная кровь». Почту везут, по дороге тарантас встряхивает, почтальон вываливается и сердится. Это рассказ «Почта»... И рядом вдруг рассказ «Спать хочется» — рассказ о том, как 13-летняя Варька убивает порученного ей грудного ребенка, потому что именно он мешает ей спать. И рассказывается это тем же тоном, с тою же «холодной кровью», как про быков и про почту...» («Русск. Введом.» 1890 г.).

Вообще, в глазах критиков того времени Чехов представлялся писателем талантливым, но «без принципов», «безидейный», «кинертный» и т. д. Однако, и после смерти Чехова такой взгляд на него прочно укрепился в кругах литературоведов, даже в Советском Союзе. Например, в предисловии к полному собранию его сочинений 1929 года, как указывает ныне К. Чуковский, Чехов изображен как человек «безвольный», «пассивно-сенситивный», «с впечатлительной и слабой натурой». А профессор Пиксанов, составивший предисловие к переписке Короленко и Чехова (изд. 1923 г.), писал в нем, что Чехов был «болезненно вял» и «избегал

вмешиваться во внешнюю жизнь». Одним словом, Чехова долго представляли себе, как одного из героев его рассказов.

Объяснение такому непониманию личности и творчества Чехова надо искать в том, что его современники подходили с узкопартийной меркой к его художественным произведениям. Но Чехов был чужд всяким партийным указкам и более всего дорожил свободой своего литературного творчества. Он писал: «Я хочу быть свободным художником и только. Фирму и ярлык я считаю пред-рассудком». И в другом письме: «Фарисейство, тупоумие и произвол царят не только в одних купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи...». Так Чехов ценил и оберегал свой талант от всяких «идеологий». Результат такого отношения к своему перу мы воочию можем оценить теперь, спустя 70-80 лет: в наше время все писатели, сверстники Чехова, писавшие «с направлением», всеми забыты, а произведения Чехова продолжают читаться, переводиться и завоевывают весь мир.

Невольно эта судьба Чехова и его произведений заставляет нас подумать о судьбе многих книг современных советских писателей, написанных «с направлением». Не будут ли многие из них, созданные по рецептам социалистического реализма, так же забыты, как это произошло с либеральными и народническими писателями прошлого столетия?

Казалось бы, что после смерти Чехова, когда появились многочисленные воспоминания о нем, живой образ его должен был восстановиться. Однако, все эти воспоминания как-то скользят по поверхности. Они много говорят о гостеприимстве, отзывчивости, деликатности Чехова, называют его «милым», «симпатичным», «обаятельным», вспоминают те или иные факты и события, но абсолютно не раскрывают нам «внутреннего Чехова».

Причины такого неумения понять внутренний мир Чехова надо искать в следующем: во-первых, Чехов был всегда **одинок**, у него никогда не было ни одного душевного друга, а только приятели и знакомые. Во-вторых, Чехов всегда был необычайно сдержан, замкнут и никого не удостаивал полным доверием. В одном из своих писем он говорит: «Около меня нет людей, которым нужна моя искренность и которые имеют право на нее». А Бунин вспоминает: «Того, что совершалось в глубине его души, никогда не знали во всей полноте даже самые близкие ему люди».

Чехов никогда не писал дневников и, вообще, никого не пускал в свое «святое святых», будь то процессы его творчества или переживания личного характера. Все это привело к той неясности, расплывчатости духовного облика Чехова, который еще до сих пор не разгадан.

Некоторый свет в эту область проливают сравнительно еще недавно опубликованные письма Чехова (советское издание 1945-1951 г.г.). Всех писем Чехова до сих пор собрано свыше **семи тысяч**, но и в них он редко позволяет себе признания и высказывания, позволяющие заглянуть в его внутренний мир и понять его личные убеждения. Но, во всяком случае, современные биографы принялись за пересмотр всех взглядов на личность и характер Чехова.

Прежде всего приходится отказаться от мнения о Чехове, как о бесхарактерном, вялом и пассивном человеке. Напротив, теперь приходится видеть в нем большое умение владеть собою. Сама скрытность Чехова должна быть понята как проявление постоянного самоконтроля. Притом оказывается, что эта черта у Чехова не унаследованная, а **воспитанная**. Известно, что братья Чехова, Александр и Николай Павловичи, были людьми безвольными и распушенными. Но Антон Павлович, видимо, не пожелал поддаться таким склонностям своей природы, но объявил им войну. Писатель Потапенко пишет, что положительные качества Чехова были «результатом мучительной внутренней борьбы, трудно доставшимся ему трофеем». Другой писатель, Щеглов, вспоминая Чехова в молодости, говорит: «В тот первый период жизнерадостной юности... Чехов обнаруживал по временам досадные черты какой-то студенческой легкомысленной заносчивости и даже, пожалуй, грубоватости. Но уже в третий его приезд в Петербург этих резких диссонансов не было». Сам Чехов подтверждает это в конце своей жизни, когда отвечает жене, которая написала ему, что у него мягкий, уступчивый характер: «Должен сказать тебе, что от природы характер у меня резкий, я вспыльчив и проч., но я привык сдерживать себя, ибо распускать себя порядочному человеку не подобает».

Какими путями Чехов переделывал свой характер, мы не знаем, но нам ясно, что он много работал над собой, над своим самовоспитанием. Характерно отметить, что в 80-х годах в его переписке начинают часто встречаться слова «невоспитанность», «воспитанные люди», «воспитывать». В письме о необходимости поездки на Сахалин (1890 г.), он пишет: «Поездка — это непрерывный полугодовой труд, физический и умственный, а для меня это не-

обходимо, так как я хохол и стал уже лениться. **Надо себя дрессировать»** (жирный шрифт наш). Таким образом, наиболее отличительные черты Чехова — его деликатность, терпимость, уважение к человеку — все это результат «дрессировки», самовоспитания. Даже свою поездку на Сахалин, смысла которой многие не понимали, Чехов рассматривает как некоторый **облагораживающий нравственный подвиг**. Поэтому нельзя не согласиться с мнением о том, что когда Чехов достиг литературной известности и материальной независимости, то он не захотел «почить на лаврах», а заставил себя поехать на край света и посмотреть, как живут каторжники.

Возвращаясь с Сахалина, Чехов пишет в одном из писем: «Хорош Божий свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения». Эта мысль Чехова не случайна, а свидетельствует о том, как серьезно и глубоко Чехов понимал собственные несовершенства и необходимость борьбы с ними. Это же проявляется в стараниях Чехова помочь своим неудачникам-братям и заставить их заняться самовоспитанием. В 1886 г. он пишет своему брату Николаю, талантливому художнику, но опустившемуся человеку, длинное наставительное письмо, в котором говорит: «Недостаток же у тебя один. Это — твоя крайняя невоспитанность... Воспитанные люди не пьянствуют с надзирателями мещанского училища... сознавая, что они призваны не жить с ними, а воспитываяще влиять на них. Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат».

Читая эти советы брату, мы видим, что Чехов рекомендует ему не прописную мораль, а собственные правила поведения, которые он выработал и сам проводил. Всем известны немногословность, деликатность, сдержанность Чехова во всех его отношениях с людьми. И все лучшие произведения Чехова показывают нам о его отвращении ко всякого рода зазнайству, распушенности, пошлости.

В свете подобных писем Чехова, а также и новых материалов о нем, в значительной степени нужно пересмотреть обычные мнения о безрелигиозности Чехова. Первый, кто заговорил о наличии в душе Чехова «подспудного течения» религиозности, был писатель Борис Зайцев. В своей книге о Чехове он отмечает многие

черты подсознательной религиозности его, а особенно в рассказах «Студент» и «Архиерей», которые Зайцев подробно анализирует.

По вполне понятным причинам советские литературоведы всегда старались изобразить Чехова атеистом и даже революционером. Это не трудно сделать, основываясь на высказываниях молодого Чехова, врача и материалиста. Однако, как отмечает Б. Зайцев, в дальнейшем «художник и человек Чехов убил доктора Чехова».

Отношение Чехова к Церкви было чрезвычайно осложнено благодаря неумелому «религиозному воспитанию». Отец его, большой любитель церковного пения, решил организовать любительский хор и обязывал своих сыновей принимать в нем участие наряду со взрослыми. Самодурство и жестокость отца оттолкнуло всех братьев Чеховых от Церкви, а высшее образование подвело теоретический фундамент под их личные обиды. Впрочем, мать Чехова, женщина мягкая и верующая, успела заронить в их душу много христианских задатков.

В дальнейшей своей жизни Чехов постепенно стал освобождаться от своей наивной веры в науку и в прогресс и глубже задумываться над смыслом своей жизни. Все герои его позднейших произведений томятся от пустоты и бесцельности своей жизни и ищут выхода. Это одно уже свидетельствует, что сам Чехов болел этими вопросами, но ответа не находил. Эти искания поднимали душу Чехова над обыденной жизнью и сделали его отзывчивым и жалостливым к людям. И. Тхоржевский так характеризует Чехова второго периода его жизни: «Жизнь разбила веру в людскую силу, в силу культуры. Осталась — жалость; она почти заменила Чехову религию (жирный шрифт наш). Именно она подняла и вынесла его произведения в мировую литературу».

Конечно, большую роль сыграла и болезнь Чехова, мучившая его в эти годы. Как врач, он понимал, что она неизлечима и прямо смотрел на близость конца. Доктор Альтшуллер, лечивший его в Ялте, в своих мемуарах указывает на ряд признаков того, что отношение Чехова к религии изменилось. Среди заметок Чехова в 1897 г. имеется следующая любопытная запись: «Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский человек знает какую-либо одну из этих двух крайностей, середина же между ними не интересует его, и потому он обыкновенно не знает ничего или очень мало». По поводу этой заметки доктор Альтшуллер пишет: «Мне почему-то кажется, что Чехов, особенно последние годы,

не переставал с трудом подвигаться по этому полю, и, кто знает, на каком пункте застала его смерть» (жирный шрифт наш).

Благодаря своей скрытности Чехов ничего не писал и не говорил в эти годы о своих религиозных исканиях. Возможно, что он боялся, что перемену его взглядов сочтут за страх смерти. Но доктор Альтшуллер указывает, что Чехов в Ялте очень интересовался вопросом о «четвертом измерении» и видел в нем основания для допущения бессмертия души.

Как бы то ни было, но в своем «кодексе морали» Чехов стоял весьма близко к христианству и был более идеалистом, чем многие интеллигенты, считавшие себя верующими. Вот какими словами заканчивается его завещание сестре Марии Павловне: «Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно». Безусловно, религиозное воспитание в детстве определило взгляды Чехова на жизнь, на отношение к себе и ближним. Быть может он был в душе тем «бессознательным христианином», о которых Вл. Соловьев сказал: «В Царствии Божиим эти мнимо-неверующие предварят великое множество мнимо-верующих». Но эту тайну своей души Чехов унес с собой в могилу.

ЦЕРКОВЬ «ДИВНАЯ» В УГЛИЧЕ

Ольга Берггольц — одна из лучших русских поэтесс «среднего поколения» (род. в 1910 году). Читателям в Сов. России и за границей она теперь известна, как автор замечательной автобиографической повести «Дневные Звезды» (1957), в которой ощутим возврат к религиозным истокам жизни, к «забытой кладке... на верности, на правде, на любви».

Печатаемое ниже стихотворение Ольги Берггольц появилось впервые в сборнике День Поэзии за 1962 год. Оно может рассматриваться, как смелый протест против религиозных преследований и, в частности, против разрушения церковных памятников, которое, в последние годы, стало снова обычным явлением в Советской России.

Н. С.

А церковь всеми гранями своими
такой прекрасной вышла, что народ
ей дал свое — незабываемое — имя,
ее донине «Дивною» зовет.

Возносятся все три ее шатра
так величаво, просто и могуче,
что отблеск дальних зорь
лежит на них с утра,
а в час грозы

их осеняют тучи.

Но время шло — все три столетия шло...
Менялось все — любовь, измена, жалость.
И «Дивную» полынью занесло,
она надменно, тихо разрушалась.
Там, в трещине, березка проросла,
там обвалилась балка, там другая...
О нет, мы «Дивной» не желали зла.
Ее мы просто не оберегали.

...Я знаю, что еще построят зданья,
где стоит кнопку малую нажать,
возникнут сонмы северных сияний,
миры друг друга станут понимать.
А «Дивную» поди восстанови,
когда забыта древняя загадка:
на чем держалась каменная кладка —
на верности, на правде, на любви?
Узнала я об этом не вчера,
и ложью подправлять ее не смею.
Пусть рухнут на меня все три ее шатра
всей неподкупной красотой своею.

Ольга Берггольц.

БИБЛИОГРАФИЯ

Протоиерей А. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ

Alexander Schmemmann, «For the life of the world»

(National Student Christian Federation)

Нью-Йорк, 1963 г.

1.

Изданная год назад, сразу разошедшаяся и вновь переизданная книга о. Александра Шмемана, несомненно заслуживает перевода на русский или французский языки. Затронутые в ней кое-где американские стороны жизни присущи в некоторой мере и европейскому миру. Поэтому и в этой своей части книга нам нужна.

Всякое доброе, вдохновенное слово может быть целительным и животворящим, но когда оно касается тех, кто, обладая истиной, не сумел ее раскрыть, тогда это слово исходит от сокрушенного сердца и становится раскаленным, острым оружием. Таковым является и настоящая книга. Поэтому ее содержание трудно переказать и приходится цитировать.

Основная тема книги — это объяснение всей судьбы человека и мира как мировой литургии-евхаристии. Эта книга есть некоторая литургическая сотериология. Избранный автором путь богословствования не является единственно возможным, но он помог ему сделать его богословие исключительно цельным и выпуклым.

О. Александр самое райское состояние человека понимает, как призвание быть ему совершителем некоторой мировой литургии; грехопадение — как отказ человека от этого священнического служения, а спасение — как вновь открытую Господом возможность это служение восстановить. В свое богословие о. Александр превносит еще тему о надлежащем отношении человека ко времени. Эта тема соединяет созерцательную и поучительную части книги. В чем же и как автор приравнивает жизнь в раю к литургии, к евхаристии? «Человек — это то, что он ест (вкушает)». Эти слова атеиста Фейербаха о. Александр считает формально верными. «В Библии, — пишет он, — человек представлен, как голодное, алчущее существо... Бог повелевает ему вкушать от

плодов земли... и весь мир... становится трапезой человека; она есть и образ жизни вообще, даже ее завершения в вечности. Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой Царство. Да идите и пиете за трапезой Моей, в Царстве Моем» (Лук. 22, 29-30). Так начинается книга. Далее автор показывает: в чем смысл вкушения, к которому призван человек. Оно дано как причащение Богу. «Божественная Любовь готовит пищу человеку и этим дает ему силу жизни... Бог благословил все Им сотворенное, поэтому оно есть образ Его присутствия, Его мудрости, Его откровения и любви: **вкусите и видите, как благ Господь.**

Если человек есть существо алчущее, то такое, которое алчет Бога... Вся тварь алчет, но только человек благословляет Бога за пищу, за дарованную ему жизнь.

Благодаря и благословляя, человек видит мир таким, каким его создал Бог и, только благодаря и благословляя всю тварь, человек может давать ей правильные наименования и обладать ею. Человек, конечно, есть homo sapiens и homo faber, но прежде всего он священник, поставленный в центре мира. Он принимает от Бога мир и возвращает его Богу, как благодарственное приношение. Это и есть евхаристия, преображающая мир в жизнь в Боге, в некое причащение Ему.

Плоть мира, материя, создана для евхаристии. Не случайно рассказ о грехопадении связан со вкушением. Запрещенный плод, как не благословенный Богом, служит причащением этому самому плоду, а не Богу. Здесь образ любви к миру и жизни, имеющих цель в самих себе. Но такой мир перестает быть прозрачным для божественного света и становится падшим, так как человек утратил сознание, **что Бог есть всяческая во всех.** Падший человек уже не знает, что даже простое вдыхание и вкушение могут быть причащением Богу. В падшем мире этого и не может быть... Вкушение в таком мире есть вкушение мертвечины, вкушение смерти. Для такой пищи нужен холодильник... и вот приговор: **ты земля и в землю возвратишься».**

По мнению о. А. Шмемана, первородный грех есть не столько непослушание, а утрата алкания Бога и сознания того, что жизнь есть таинство причащения Богу. Соответственно этому автор понимает и спасение. Оно, как бы это ни звучало парадоксально, «есть конец всякой религии. Религия нужна там, где есть стена между Богом и человеком, но Христос разрушил ее, даруя нам не новую религию, а новую жизнь. Во Христе ответ на все религии и потому — конец их всех. В Нем сама жизнь становится вновь священным таинством».

Во второй главе, «Евхаристия», автор поясняет, что если во Христе Иисусе жизнь становится вновь благословенной, то мир падший отвергается, но не потому, что его отверг Христос, а потому, что он отверг и убил Христа. Убив Христа, мир сам стал мертвым и мы не можем теперь жить в нем так, как будто на Голгофе ничего не произошло... Но несмотря на это и на необходимость сораспятия Христу, несмотря на Крест, а, лучше сказать, благодаря Кресту, христианство есть весть о радости, единственно возможной на земле, в которой печальный конец всего преобразуется в некое начало.

Церковь и призвана свидетельствовать об этой радости. Она приглашает **войти в радость Господа нашего** (Мф. 21).

Это вхождение совершается более всего в таинстве радости — в Евхаристии. О. Александр понимает литургию динамически, как выход, как исход из падшего мира и шествие в новый, преобразенный мир, данный нам здесь как Церковь. Встать с постели, чтобы идти в храм — это уже начало литургии. Выход из обычной жизни необходим, так как Сам Христос, к Которому мы идем, не от мира сего. Если в наши дни мы встречаем в храме все тот же старый мир, а не Христа и Его Церковь, то это потому, что мы не умеем ничего покинуть.

Понимая литургию как постепенное вхождение в радость Господа, о. Александр особенно проникновенно говорит о Малом и Великом входе и о чтении Слова Божия в храме. Он понимает его как Таинство, что стало теперь присущим очень многим христианским писателям. Так же, как и многие из них, о. Александр много говорит о значении Евхаристии, как о жертвоприношении. Она есть наша благодарственная, всецелая отдача нас самих и нашей жизни Богу. Говоря об этом, о. Александр не напрасно напоминает, что истинная любовь выражается в самоотдаче, в жертве и в неразлучном от любви благодарении.

Но евхаристия совершается во Христе потому, что только Он принес совершенную жертву. Будучи включены во Христе, как во всечеловеке, мы включаемся в Его жертвоприношение и приносим и Его Самого в дар Богу. Это соучастие в Его жертвенном подвиге делает нас способными причаститься Его жизни. В этого рода объяснении Евхаристии о. Александр находит много нужных, новых слов.

Темы следующей главы — об отношении человека ко времени — были уже разработаны автором в его докторской диссертации. Оговариваясь, что он не собирается рассмотреть все стороны этой сложной проблемы, он все же предполагает, что в затронутой им области, он сказал все основное. Думается, что многое, здесь им сказанное, все же требует дополнения и, может быть, поправок. Но об этом ниже.

По мнению о. Александра, правильное отношение ко времени было явлено в доконстантиновскую эпоху христианства, а позже было искажено. Это, прежде всего, относится к тому, как воспринимался в начале и стал восприниматься впоследствии Воскресный день. Должное христианское отношение к нему тесно связано с ветхозаветным отношением к субботе.

В день Воскресения Христова, в первый день недели, все ветхозаветные ожидания исполнились и этот день стал днем христианского торжества, днем Господним. Автор настаивает на том, что этот святой день не должен выпадать из седмицы, противопоставляться другим дням. До Константина он не был днем отдыха, но в этот день совершалась литургия, а это было встречей с Господом. Тем самым воскресный день стал преобразовать все течение времени, направленного к последним свершениям. В этом новом христианском времени, каждый день обретает смысл, становится ступенью восхождения.

Касаясь годовичного Церковного круга, о. А. Шмеман еще более углубляет свою мысль, попутно показывая, что в наше время утрачено понимание смысла праздников. Наши праздники — это едва терпимые перерывы «настоящей» серьезной жизни, служение отдыху и пустым забавам. В древности же праздники придавали смысл всему течению времени. Языческие — связывались с временами года и земледелием; ветхозаветные — с событиями историческими. Христианство восприняло в некотором отношении предшествовавшие ему значения праздников, но исполнило их новым смыслом. Смысл каждого христианского праздника и воскресного дня это — откровение радости новой жизни, данной нам во Христе.

Высшим выражением этой радости являются праздники Пасхи и Сошествия Св. Духа, связанные с началом и завершением весны и с событиями Исхода Евреев из Египта и дарованием Заповедей на Синайской горе. Эта связь с природными циклами времени и с основными событиями Ветхозаветной истории, являет нам реаль-

ность всего Божьего Промышления о человеке. Христианские праздники — это, конечно, не только воспоминания и припоминания, а новое явление того вечного, что некогда воссияло в прошлом. В этом смысле эти праздники являются Таинствами.

Уделяя целую страницу многим Пасхальным песнопениям, текст которых он приводит, о. А. Шмеман дает особенно сильно почувствовать освящающую реальность пасхальной радости, которую он считает истинным Божиим даром (благо — датию). «Разумеется, — пишет он, — жизнь Церкви есть постоянное усилие, самоотречение, умирание, жертва, но в то же время и постоянный праздник. Назначение Церкви быть всем для всех... но как бы она могла исполнить это... если бы она сама не была прежде всего Божиим даром, дарованием Божественной радости, явлением Святого Духа, торжеством Царствия Небесного еще здесь во времени?»

Раскрывая затем значение богослужений суточного круга (вечерни, утрени), автор показывает, что они готовят и закрепляют в жизни Церкви все явленное в кругах седмичном и годовом (преимущественно в Пасхальном).

4.

Следующая глава посвящена таинствам крещения, миропомазания и покаяния. Она начинается с очень важного пояснения, что все сказанное о преображении времени лишается смысла, если нет обновленного человека, который может это совершать. Коренному обновлению человека и служат все прежде названные Таинства. Автор предостерегает от понимания их, как средства к чисто индивидуальному спасению, настаивая на их Церковном, Соборном и космическом значении и потому на их глубокой связи с Евхаристией.

Толкуя освящение воды, предсовершенное Самим Господом на Иордане, он понимает его, как возвращение природе того значения, которое она обрела, когда «Дух Божий носился над водою». При этом, автор вновь напоминает, что только благодаря и благословляя, человек может постичь смысл всего сотворенного. Это хвалебное евхаристическое приятие мира, по его мнению, особенно ярко проявляется в молитвах иерея, в то время, когда этот мир (космос) предстает перед ним в образе освящаемой воды. Погружение в нее, в этот космос, ставший вновь местом особого присутствия Божия и Его славы, облакает человека во

Христа. Но это возможно лишь при смерти для своей самодостаточности и самости.

В миропомазании автор видит дополнение к таинству крещения, запечатление силою Святого Духа того, что совершилось при крещении. Миропомазание — это личная Пятидесятница человека, посвящение его в новую жизнь, которая становится литургией. Человек же, а через него весь мир, становится при этом Храмом Божиим, а человек также и вполне самим собою, тем, чем ему надлежит быть, воином Христовым, вестником истинной радости и надежды.

Таинство покаяния, по мнению о. Александра, может быть понято только в связи с крещением. Главный грех, основание всех грехов это — перестать любить Бога, отойти от Бога и начать любить нечто другое. Таинство крещения, а за ним и покаяния и есть возвращение к Богу, к Церкви, к ее праздничной радости. Разумеется, это требует усилий, молитвы и поста. В таинстве покаяния возвращается и вновь проявляется благодатная сила крещения, сила всепрощающей Любви Христовой. Вследствие этого нет даже нужды в особом новом разрешении или отпущении грехов. Необходимо только, и безусловно необходимо, возвращение к Тому, Кто Сам есть Всепрощение. Разрешение грехов после исповеди есть лишь существенный знак того, что это возвращение совершилось.

5.

Теперь, после посильного изложения большей части содержания книги, нельзя не изложить некоторых своих замечаний. Они касаются отчасти того, чего в книге нет, но того, что было бы желательно в ней видеть. Вменять автору в вину то, что он не написал, является, конечно, очень плохой критикой. Поэтому, все нижеследующее и не следует рассматривать, в большинстве случаев, как критику, а как диалог с автором, который бывает только тогда, когда написанное им действительно исполнено жизни.

Внимательное чтение настоящей книги, притом, в связи с докторской диссертацией автора, приводит к выводу, что он боится, и не без основания, как бы христианский индивидуализм не затмил бы в сознании многих восприятия церковной, соборной, даже космической сущности подлинного христианства. В особенности заметно опасение того, что личное, в частности монашеское, подвижничество, уводя в некоторый вневременный мир, тем самым не воспрепятствовало бы церковному освящению времени. Воз-

можно, что в истории под влиянием, например, неоплатоников, нечто подобное и бывало. Тем не менее, в основе своей личное, молитвенное предстояние пред Богом, в особенности Иисусова молитва (если это и выводит подвизающегося в некотором смысле из времени), лишь помогают восприятию отмеченных Церковью и освещающих ход времени событий. Разумеется, о. Александр нигде не отрицает необходимости личной молитвы, но его умолчание о ней и об Иисусовой молитве, имеющей, при правильном ее пользовании, настоящую сакраментальную силу, умолчание в книге, охватывающей всю сакраментальную жизнь Церкви, по-нуждает, как и его некоторые слова, думать, что он недостаточно оценил эту сторону православной жизни.

Истинный христианин призван постоянно познавать, что есть воля Божия и, познав эту волю, творить ее. Это возможно лишь при неустанном внимании к себе, а через это к Богу и при молитве. Благодаря этому человек пребывает в настоящем времени, в котором только и возможна встреча с Богом, и не устремляется мечтательно в область прошедшего и будущего, где можно встретить лишь отражение божества. Внутреннее внимание и молитва безусловно способствуют и деятельному созерцанию священных событий, усвоению их как событий собственной жизни, что и является, как можно думать, именно тем Церковным освящением времени, о котором пишет о. Александр. Он, конечно, прав, настаивая на том, что это деятельное созерцание священных событий нуждается в особой закономерности (*lex orandi*), что оно должно быть соборным делом и проявлением жизни всей Церкви. Все же, этот путь освящения времени, это преобразование бессмысленного бега мгновений в некоторое их гармоническое сочетание, возможно только тогда, когда человек, с помощью молитвенного внимания к себе, пребывает в настоящем времени. Без этого даже самые священные образы останутся только зрелищем, а человек — только зрителем, а не участником Церковного торжества.

Духовное странствование с целью деятельного созерцания тех или иных священных событий, предлагаемое Церковью в ее богослужебных кругах, должно быть духовным восхождением по спирали.

Так Пасху 1971 года надо встретить на другой, высшей ступени, чем Пасху 1970 г. Осью этого восхождения по спирали и является личная молитва, как и, в значительной мере, церковные службы суточного круга.

6.

Недостаток места понуждает сказать о последующих главах только немного. Пятая глава книги «Тайнство Любви» посвящена браку и священству. Это, может-быть, самая вдохновенная глава, местами исполненная высоким поэтическим пафосом. Про нее лучше всего было бы сказать только: прочтите. Но все же нельзя не поведать, что в ней автор совершенно оригинально, но и убедительно раскрывает смысл указанных таинств в тесной связи с раскрытием смысла почитания Присвятой Богородицы и ее Приснодевства. Несмотря на духовную радость, вызываемую чтением этой главы, нельзя не удержаться и здесь от одного упрека. Автор, говоря о браке, почти ничего не говорит о деторождении и детях. Он говорит о вечно-женственном, об истинно мужском начале в человеке и молчит о вечно-детском, может-быть, наиболее истинно-человеческом образе человека.

Здесь нет места подробно говорить о детях, об их миссии в семье и мире, но уместно указать, что именно в них наглядно проявляется должное отношение человека ко времени. С одной стороны, дети целиком пребывают в становлении и в каком-то смысле ребенок есть еще только проект человека, с другой же, он более, чем кто-либо живет в настоящем времени и является вполне законченным, полноценным существом. Тем самым он способен вызывать к себе то отношение, которое следовало бы иметь ко всем. Ребенка, более чем кого-либо, трудно рассматривать как средство для планов на будущее, даже в отношении его собственного благополучия. Для нормального (христианского) слуха безусловно неприятно звучат, например, такие слова: «...я хочу сделать из моего сына музыканта» или даже «...я хочу сделать из него человека». Обычно, именно ребенку, мы склонны дать возможность жить в настоящем времени, что и свойственно ему. В этом, как во многом другом, ребенок является для нас поучением. Мы, христиане, живем в ожидании полноты Откровения Царства Божия, живем в надежде, но это Царство уже проявляется, созревает в нашем настоящем времени, которое должно быть поэтому особенно дорого для нас, как и для детей. Истинно-христианская жизнь не похожа на жизнь утописта, попирающего настоящее, а чаемое нами не есть вовсе только будущее, хотя бы и загробное, но есть всегда и наше настоящее.

7.

Об этом, в частности, об опасности превращения христианского чаяния в утопию, земную или потустороннюю, о. Александр

с удивительной силой говорит в 6-й главе, посвященной смерти. Здесь он отчетливо и даже едко обличает, как современный секуляризм, так и современное религиозное сознание, подменившее христианское отношение к смерти отношением, свойственным другим религиям. Эти страницы более других относятся к американской жизни, но применимы, в разной мере и к нам, европейцам.

В этой главе автор говорит полным духовным голосом, говорит так, как надлежит говорить с амвона. Поэтому, здесь в особенности, лучше ограничиться некоторыми цитатами. «Цель истинного христианства — это не помочь примириться со смертью, но раскрыть истину о жизни и смерти, чтобы спасти... Если бы задачей христианства было бы примирение со смертью, то оно было бы ненужно, так как в любой религии это достигается успешно. Христианство это — не примирение со смертью, а откровение о ней, возможное потому, что оно есть откровение о жизни.

Христос есть жизнь и только потому, что Он — жизнь, смерть есть тот враг, который должен быть сокрушен... Секуляризм и обычное (натуральное) религиозное сознание (воспринятое многими христианами), старается объяснить смерть и тем самым узаконяет ее, делая ее нормальным явлением. Только христианство провозглашает, что смерть ненормальна и поистине ужасна. Примириться с тем, что Божий мир есть мировое кладбище, которое некогда будет заменено другим миром, также похожим на кладбище («вечный покой»), и называть это истинной религией... это ничто иное, как настоящее падение!..

На самом деле, именно этот мир, а не «тот свет», и эта жизнь, а не какая-то другая, даны человеку, чтобы стать таинством Божьего присутствия, стать причащением Богу..., чтобы именно через эту жизнь мир преобразился»...

Не менее сильно о. Александр пишет об умирании, о болезни и в связи с этим, об таинстве елеосвящения: «Это таинство, — пишет он, — есть таинство исцеления не потому, что оно стремится достичь восстановления телесного здоровья, но потому, что оно (как и все таинства), есть вхождение человека в жизнь Царствия, в радость и мир Святого Духа... Во Христе страдание не устраняется, но само превращается в победу. Даже поражение бывает победой... входом в Церковь... Церковь в таинстве елеосвящения приходит к больному, чтобы приобщить его к Любви, к Свету и к Жизни Христовой..., приходит не утешать, не помочь, а возвести больного в сан мученика, сделать его свидетелем Христовым, даже в страдании...

А мученик это — тот, кто видит небо отверстым и Сына Че-

ловеческого, стоящего одесную Бога. Мученик — это человек, для которого Бог не есть последняя оставшаяся надежда прекратить его страдания, но Истинная Жизнь, и это человек, для которого решительно все ведет к Богу». Эта 6-ая глава книги заключается столь же сильными словами об истинной вере во Христа и о Христовом Воскресении.

8.

В заключительной главе, 7-й, о. Александр говорит еще раз об истинной миссии Церкви и христиан, и цели появления его книги. В этой главе, как и во всех других, много вдохновения и весьма нужных слов.

В заключение настоящей статьи-рецензии, надо сказать и о ее цели. Эта цель есть ничто иное, как призыв прочесть эту книгу и сделать все возможное к напечатанию ее на русском или французском языках. Книга вызывает множество размышлений и переживаний, частично и возражений. Всего этого не скажешь в одной статье. О многом, может-быть, не удастся написать и в будущем, но есть одна тема, тесно связанная с книгой о. А. Шмемана — это тема о том, что делать, чтобы православное богослужение стало доступным современному человеку и более того, как научиться нам в наш век жить истинной церковной жизнью, и как научиться и научить в наше время молиться.

К этой теме, может-быть, удастся вернуться впоследствии.

ХРОНИКА

ОБРАЩЕНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КАФОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

В Митрополю поступают запросы о том, как относиться к предстоящей в Нью-Йорке канонизации Зарубежными Русскими Архидиаконами Российского праведного Пастыря отца Иоанна Сергиева-Кронштадтского (род. 19 окт.-1 ноября 1829 г., скончался 20 декабря-2 января 1908 г.).

Большой Архиерейский Собор разъясняет следующее:

Канонизация святых какой-либо Поместной Православной Церкви может быть совершена только самой этой Церковью, —

в данном случае, Церковью Российской. Эта Церковь, как всем известно, ныне связана в Советском Союзе, подвергнута гонению и удушению. Никакой бывшей Зарубежной части этой Церкви Российской не дано право, пользуясь временным пленением Церкви-Матери, восхищать Ее достоинство и присвоить себе право канонизации Ее святых. Право такой канонизации не может принадлежать ни Американской Поместной Церкви, ни тем более Церкви русского рассеяния, временной церковной единице, не существовавшей даже во время земной жизни праведного Иоанна Кронштадтского. Если Русская Православная Церковь не в силах прославить сейчас среди своего народа праведного своего Пастыря отца Иоанна Кронштадтского, как и прочих своих многих угодников, исповедников веры, а также новомучеников, как Митрополиты Киевский Владимир и Петроградский Вениамин и множество других, — это означает что Господом сейчас, из-за наших общих беззаконий, заграждены Ее уста и дано Ей особое время — время покаяния, молитвы и поста, великой надежды на Господа Сил, и ожидание времени, когда раскованы будут Ее уста и свободным словом своего благовествования Русская Церковь будет прославлять своих угодников, на небесах прославленных Господом. В силу этого, не нам и не зарубежным православным русским людям, не несущим креста Русской Церкви, предвосхищать Ее слово и торжество.

Мы призываем боголюбивую паству нашу к изучению глубоко назидательных духовных творений отца Иоанна Кронштадтского, его дневника: «Моя жизнь во Христе» и, назидаясь этими поучениями, примирясь с братьями, преодолевая озлобление и взаимное уничтожение столь заметное среди зарубежных русских верующих, все более и более прославлять своими помыслами, волей и сердцем святое и великолепное имя Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, славимого во Святой Троице, творя Иисусову молитву по завету праведного отца Иоанна и устроая как свою жизнь, так и жизнь церковную — жизнью во Христе. Это несомненно будет лучшим в данное время и наиболее достойным его прославлением. Церковное поминовение отца Иоанна Кронштадтского да совершается в православных церквях Америки панихидами во дни его памяти (19.X-1-XI), день его рождения и (20.XII-2.I), день его праведной кончины, как это было до сих пор.

Молитвами праведного отца нашего Иоанна Кронштадтского и всех новомучеников Церкви Русской, да соделает Господь нашу жизнь «Жизнью во Христе». Аминь.

ОБРАЩЕНИЕ К ПРАВОСЛАВНЫМ ЛЮДЯМ

Скоро минет 30 лет с той поры, когда в 1935 году, Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы была переведена с места своего основания (10, Бульвар Монпарнас), на 91, rue Оливье-де-Серр, Париж-15.

В течение тридцати лет этот Храм является главным духовным центром Русского Студенческого Христинского Движения во Франции и средоточием соборной церковной молитвы для огромного числа богомольцев, стекающихся в него со всех концов Парижа и его пригородов. Под сенью Храма приобщаются также к церковной молитве и хоровому пению на клиросе ученики нашей Четверговой Школы, получающие в нем благословение на свои школьные труды.

Но ветшает и требует неотложного ремонта старое здание, приютившее дорогой нам всем Храм; прогнили доски деревянного настила на полу; обсыпается от частых непогод наружная стена; ждут замены разбитые во время недавних ураганов стекла крыши, протекающей уже во многих местах; цинковый желоб требует полной замены, так как из-за течи начинают портиться иконы.

А между тем стареют и перестают работать или уходят в лучший мир прихожане, до сих пор жертвенно откликнувшиеся на финансовые нужды Храма. А молодежь наша еще не успела ответственно поднять на свои плечи нелегкое бремя церковного хозяйства.

И вот, Приходской Совет Храма, во главе с его Настоятелем, решил обратиться ко всем православным людям, в рассеянии сущим, с просьбой разделить с нами непосильные для нас одних экстренные расходы и вложить свой «кирпичик» на поддержание и приведение в благолепный вид здания Храма, имеющего такое огромное значение для сохранения и развития Православия.

Староста Храма
А. А. Терентьев.

Вашу лепту можете внести:

- 1) Купив билет «кирпичик» у свечного стола в Храме;
- 2) Внеся деньги на почтовый счет:

Association Cultuelle Orthodoxe Russe,
Eglise de la Présentation de la Sainte Vierge au Temple,
91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°.
C.C.P. 18 106 87 PARIS.

XI-ый ЛИТУРГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В БОГОСЛОВСКОМ ИНСТИТУТЕ В ПАРИЖЕ

С 30-VI по 3-VII 1964 г. имел место в Богословском Институте на Сергиевском Подворье в Париже большой литургический съезд, который собрал около 60-ти участников православных, католиков, протестантов, англикан. Это уже был одиннадцатый по счету в серии литургических съездов, инициатором которых был покойный проф. архимандрит Киприан (Керн) совместно с проф. прот. Н. Афанасьевым и группой католических литургистов, по преимуществу монахов различных бенедиктинских монастырей в Бельгии: Dom Lambert Beauduin, Dom Bernard Capelle, Dom Bernard Botte и Dom Olivier Rousseau. Съезды эти очень скоро приобрели широкую известность и стали привлекать внимание и участие как самых выдающихся ученых специалистов, так и внимание широких экуменических кругов.

Главный вдохновитель съездов, о. архимандрит Киприан скончался зимой 1960 года. Почти одновременно последовала кончина о. Lambert Beauduin и затем о. B. Capelle. Но дело литургических съездов продолжало развиваться. Съезды 1961 и 1962 года были организованы ректором Богословского Института, еп. Кассианом (Безобразовым). С 1963 года дело организации съездов было поручено новому декану Института, проф. прот. А. Князеву. На съездах был разработан уже очень значительный научный материал, часть которого, благодаря инициативе доминиканского издательства Edit. du Cerf, удалось напечатать в специальных изданиях. Так уже вышли в свет доклады съезда 1961 года (*La prière des heures*) и уже печатается сборник докладов 1962 г. (*Le Jour du Seigneur*). Также будут в особом сборнике напечатаны тем же издательством и доклады съезда 1964 года.

Этот последний съезд имел в качестве общей темы Богоявление (*la Manifestation de Dieu dans la Liturgie*), и был особо посвящен исследованию богослужения праздников Рождества Христова и Богоявления, а также тех богослужебных текстов, в которых говорится о парусии, т. е. о втором пришествии в мир Господа Иисуса Христа.

Первый день съезда, как всегда, был посвящен библейскому материалу и древне христианским и иудейским текстам, говорящим о богоявлении. В этот день было прочитано четыре доклада:

1. — Dom Bernard Botte, директор Высшего Литургического Института при католическом богословском факультете, сделал сообщение на тему о Maranathâ, в котором он старался выяснить самое значение этого восклицания ап. Павла в I Кор. 16, 22.

2. — O. A. M. Dubarle, профессор Свящ. Писания на богословском факультете в доминиканском монастыре Le Saulchoir, около Парижа, говорил затем о «Manifestation théophanique de Dieu dans la liturgie d'Israël», доказывая, что во многих библейских описаниях богоявлений содержатся слова, выражения, а то и отдельные подробности, заимствованные из ветхозаветного богослужения.

3. — O. J. Daniélou, известный католический богослов, занимающий в настоящее время должность декана католического богословского факультета, развил тему о самом понятии эпифании, т. е. богоявления, в

сообщении озаглавленном «Epiphanie dans la Bible et l'ancienne littérature chrétienne».

4. — Аббат Н. Hruby, большой знаток раввинистической письменности, закончил день очень насыщенным докладом об мессианизме у раввинов времени начала христианства («Messianisme et Eschatologie dans la tradition rabbinique»).

Утро второго дня было специально посвящено истории праздников Рождества и Богоявления в древней Иерусалимской церкви, а также в церкви в Каппадокии, с которой связаны имена великих отцов-каппадокийцев святых Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Амфилохия Иконийского. В этой связи были прочитаны доклады аббата J. Mossay из Бельгии («Noël et Epiphanie en Cappadoce au IV siècle»), в котором автор мастерски использовал материал, находящийся в творениях названных отцов, а также Dom A. Renoux, молодого монаха бенедиктинского монастыря в En Calcat, на юге Франции (*L'Epiphanie à Jérusalem au IV et V siècles*), в котором, помимо хорошо известного описания путешествия западной паломницы Этерии, был использован и ряд ново-открытых и впервые изученных самим автором доклада литургических рукописей. После обеда были поставлены на очередь археологические темы: первый доклад, *l'Iconographie de la Parousie*, был прочитан хорошо известным русскому зарубежью А. Н. Грабаром, профессором Collège de France и членом Institut de France, который в своем сообщении проявил не только свое глубокое знание древне-христианского искусства, но и подлинный богословский подход к собранному им иконографическому материалу. Следующий доклад был прочитан о. С. Vogel, профессором католического богословского факультета Страсбургского университета. Он был озаглавлен «La Croix eschatologique» и имел своим главным предметом доказать, что изображение креста на восточной стороне древне-христианских храмов было связано с ожиданием второго пришествия Христа в мир, которое, как известно, должно быть предварено появлением на небе «знамения Сына Человеческого» (Мф. 24, 30), в котором христианская древность видела знамение креста.

Третий день съезда начался снова с докладов посвященных богослужению древних восточных церквей. Доминиканец, отец Н. I. Dalmais, профессор Литургического Института в Париже, большой знаток восточного богослужения, говорил о том, как в нем выразилось ожидание второго пришествия «Eschatologie et Parousie dans les liturgies orientales». Его сменил на кафедре профессор богословского факультета университета в Фессалониках Е. Феодору, который, на немецком языке, прочитал о празднике Рождества Христова при свят. Иоанне Златоусте «Johannes Chrysostomus und das Weihnachtsfest».

Вечер того же дня был посвящен Церквам возникшим из Реформации. Настоятель англиканской церкви в Париже, Rev. H. R. T. Brandreth, прочитал доклад о рождественской гимнографии в англиканской церкви, а декан богословского факультета в Neuchâtel (Швейцария), проф. J. J. von Almen коснулся той же темы в отношении реформатской церкви «La célébration de Noël d'après les livres liturgiques réformés actuels». Этот последний докладчик в своем сообщении показал себя глубоким богословом и притом очень близким в своих воззрениях православному учению.

Последний день съезда начался с крупного события как литургических съездов, организуемых Богословским Институтом, так и вообще самого Института. Впервые с кафедры Института говорила женщина-докладчик. Действительно, первый доклад этого четвертого дня съезда, на тему о рождественской гимнографии протестантских церквей немецкого языка, «Les cantiques de l'Avent dans l'Eglise protestante», был прочитан приват-доцентом богословского факультета Базельского университета Mlle Hélène Werthemann. Докладчица, доктор богословия, была специально послана на съезд профессором Oscar Cullmann, который лично не смог принять в нем участие. За ее докладом последовало сообщение профессора католического литургического Института в Трире (Германия), д-ра Balthasar Fischer. Докладчик — крупный специалист по теме богослужебного употребления Псалтири. В своем докладе «Die Psalmodie der Sonntagsmessen nach Epiphanie im Missale Romanum», он попытался выяснить литургический характер воскресенья по Богоявлению в Римской церкви и высказал мнение, по которому это воскресенье должно рассматриваться как особо посвященное парусии. За ним говорил б. воспитанник Богословского Института, настоятель православного грузинского прихода в Париже, прот. Илия Мелна, хорошо известный всем читателям «Вестника». В своем докладе «Le thème de la Lumière dans l'hymnographie byzantine de Noël», он дал подробный анализ богословского содержания современной рождественской службы, совершаемой в православной церкви.

Вечернее заседание того же дня началось докладами. Первый выступил с докладом о коптском богослужении праздника Богоявления молодой бенедиктинец Dom Mayeul Coquin «La fête de l'Epiphanie dans le rite copte», а за ним прочитал заключительный доклад съезда ректор Богословского Института — епископ Кассиан. Владыка вернулся к библейским темам, связанным с общей темой о теофаниях, и прочел глубоко продуманный доклад о богословии IV-го Евангелия: «La manifestation de la gloire du Christ dans l'Evangile selon Saint-Jean».

После этого состоялось собрание, специально посвященное подведению итогов. По установившейся традиции оно прошло под председательством Dom B. Botte. На нем была намечена тема для литургического съезда 1965 года, который будет уже 12-ый по счету. Тема эта — АНАФОРА, — т. е. евхаристический канон.

Съезд оставил у всех, кто принял в нем участие, самое светлое, самое отрадное впечатление. На нем не только прозвучало слово самых крупных литургистов-богословов и других ученых специалистов главных христианских исповеданий. На нем с самого начала установилось подлинно братское общение между всеми его участниками. На нем, может быть, более чем на всех предшествующих съездах, чувствовалась объединяющая сила Христовой Истины, переживаемая Церковью в Ее богослужебном предании. И поэтому этот съезд несомненно может считаться одним из самых крупных, как академических так и экуменических, событий имевших место в текущем году.

А. К.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕМИРНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С 15 до 31 июля состоялся в Аргентине (около города Кордоба) Генеральный комитет Всемирной Студенческой Федерации. Он созывается каждые 4 года, чтоб позволить делегатам всех Движений-членов Федерации подвести итог проведенной работы, выработать основные линии деятельности Федерации на наступающие 4 года и принять ряд решений по вопросам, касающимся всех членов Федерации (пересмотр конституции, бюджеты, выборы секретарей и штаба и т. д.). Таким образом, деловая, чисто административная сторона преобладает, оставляя мало времени для богословских обсуждений.

Выборы не внесли больших изменений: Вальдо Галлан остался главным секретарем, а Филипп Поттэр — председателем. Епископ Игнатий Хазим (Ливанское православное движение) — вице-председатель с 1960 года — переизбран. Таким образом, среди членов штаба есть представители всех протестантских церквей и православный Генеральный секретарь задал вопрос: «Не пора ли привлечь к работе в Федерации представителя католической церкви?» Делегаты ответили утвердительно, но так как приглашенный наблюдатель из Pax Romana не смог приехать, мнение самих католиков неизвестно.

В своем заявлении В. Галлан описал быстрый рост Федерации (особенно в Южной Америке и Африке, а также на Среднем Востоке, благодаря Ливанскому движению), но, вместе с тем, он напомнил, что нельзя довольствоваться чисто внешними достижениями, а необходимо искать новых путей христианского свидетельства в мире, где создаются новые положения и появляются новые запросы. Основные темы его доклада обсуждали в комиссиях:

- Христианское свидетельство в студенческой среде,
- Этика,
- Участие христиан в политике,
- Новый подход к образованию (между прочим эта комиссия подчеркнула необходимость христианской работы с подростками, т. е. в средних учебных заведениях, и оценила опыт формирования кадров для работы со студентами — «International study fellowship on the university ministry».
- Литургическая жизнь.

Члены всех комиссий искренно и серьезно старались найти правильный подход к предложенным темам и установить общее направление работы Федерации в той или иной области. Особенно интересный отчет представила комиссия, обсуждавшая вопрос литургической жизни.

На международных съездах православных всегда очень мало (исключение составляет съезд в Греции в 1960 г.). В Аргентине было 5 православных делегатов (Ливан, Греция и Р.С.Х.Д.) и 2 копта (Египет и Эфиопия) — считавшие себя тоже православными — среди 200 инославных. Несмотря на это, мнение православных всегда слушают и ценят. Поэтому хотелось бы, чтоб православные яснее определили свое отношение к Федерации, чтоб члены Синдесмоса установили, какое положение должно занимать православие в экуменическом движении.

Л. Оврахт.

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ВЕНЕЦИЯ 1964 ГОДА

Большая международная выставка венецианской *Biennale* 1964 г. дает повод к некоторым размышлениям: на фоне неувядаемой красоты Венеции, этот показ чудовищных образцов уродства и уродливых чудовищ не может не поразить.

Не вдаваясь здесь в рассмотрение вопроса о приемлемости абстрактной живописи и скульптуры, постараемся отметить основные черты явления на этом зрелище.

Первая черта, которая выступает с непреложной очевидностью — это нивелирующий характер этого искусства. Произведения художников, самых различных стран, почти ничем не отличаются друг от друга. Еще труднее отличить одного художника от другого. Это, конечно, сразу же утомляет. Разве что сотни товарных вагонов, мелькающих перед глазами, могут произвести такое впечатление.

Второе, что трудно не заметить, это то, что очень многие формы (но не все), очень схожи с машинами и механизмами: краны, винты, провода, рычаги, крючки, и очень часто когти, а иногда рога, заметны повсюду.

Третье характерное свойство этих странного форм связано именно с этими когтями. Они и придают нередко этим машинообразным чудовищам некоторое сходство с живыми организмами, более всего с членистоногими животными: насекомыми, пауками, скорпионами, крабами..., иначе говоря, существами злого облика.

Четвертым качеством изображаемого нужно считать эту именно злобность. Нашим глазам преподносятся злые вещи.

Когда же в этих вещах глаз иногда начинает угадывать формы человеческого тела, то на сцену явно выступают монстры, уроды и уродища, притом также безусловно злые. Сочтем это за **пятую** характерную черту предлагаемых зрителю произведений.

Только Гоголь в своем "Вие" описал подобных злых чудовищ, в которых механическое начало смешивается с грубыми утробными формами органической жизни. Нечто подобное этому можно, пожалуй, увидеть и на картинах Жерома Боска.

Но этого мало: художники, которые создают человекообразные злые формы, наделяют их и грубыми проявлениями эротической жизни. К этому, **шестому**, отмечаемому здесь явлению, нужно добавить еще и то, что этот демонический характер всего изображаемого завершается **образами смерти**.

В картинах, где абстрактное искусство переходит снова в изобразительное, появляются черепа, скелеты, трупы, причем все перемешивается с формами грубо-эротическими.

Наконец последнее, что нельзя не отметить — это поразительное сходство некоторых изображаемых предметов (на полотне или в скульптуре), с вещами обгоревшими — обуглившимися, погнущимися, свернувшимися от страшного пламени.

И вот тут особенно нельзя не задуматься.

Если бы это искусство было бы просто кривлянием или мистификацией, могло бы ли оно получить такое распространение и почти одинаковое выражение? За возможность искренности этого искусства говорит

и то, что многие произведения несомненно стоили большого труда, т. е. сделаны со тщательностью.

Если же эти художники искренни, то встает вопрос: чем же вызвано такое творчество?

Первое предположение имеет страшный характер. Если верно, что художникам присущ дар предчувствия и некоторого предвидения будущего, то придется сказать, что данное искусство предвещает мировую катастрофу и, пожалуй, именно атомную войну, во время которой все сгорит и только кое-где останутся обугленные предметы, а иногда черепа и кости.

Второе предположение — это то, что мы имеем дело с массовым психозом или же (что отраднее), с попыткой отделаться от навязчивых идей, согласно фрейдовским рецептам.

Возможно еще, что перед нами шарж, вызванный состраданием. Действительно, кое-где показаны фигуры, даже лица (или почти лица), измученные страданием. Здесь можно уловить некоторое отдаленное сходство с образами Руо, но дух его уловить все же трудно, так как никакой человечности в этом искусстве уж нет.

Справедливость требует отметить, что есть на выставке произведения и менее мрачного характера, например, в американском и французском павильонах. Здесь встречаются не только черные и грязные тона и когтистые чудовища. В равноцветных параллельных полосах, в кружках, в точности воспроизводящих картоны для стрельбы в цель, или в ровно расположенных на полотне разноцветных пятнышках, зловещего, конечно, ничего нет. Если бы все это предлагалось как мотивы для раскраски предметов домашнего обихода, об этом, пожалуй, можно было бы говорить. Но когда это преподносится, как картины, то это не утешает.

На выставке есть только три места, где впечатление от страшных кошмаров и от еще более страшной скуки сглаживается.

Это, прежде всего, некоторые картины, графического характера, одной норвежской художницы, сделанные явно под влиянием православных икон. Затем утешает уголок, посвященный недавно скончавшемуся итальянскому художнику Семегини. Его творчество тесно связано с французскими импрессионистами, но его картинам присущ очень личный нежный лиризм.

Наконец, отраднейший сюрприз — это Советский павильон. Туда приходишь с предубеждением, ожидая встретить насильно воскрешенное передвижничество, но находишь нечто совсем другое. Если социальный заказ, нарочитая жанровая сюжетность и тому подобное и является кое-где элементом картин — это едва заметно. Напротив, отчетливо выступают элементы фигуральной и красочной композиции и подлинная, отнюдь не классовая, человечность.

Кроме того, нельзя не чувствовать связи с лучшими традициями мирового искусства и порою несомненное мастерство. И во всем этом чувствуется здоровая мощь, что отчасти выражается в размерах многих полотен. Советские, лучше сказать русские, художники, перешагнули не только через навязываемых им передвижников, но и через многое из того, что трогало нас в юности в представителях "Мира Искусства".

Если во всем виденном в этом павильоне еще мало одухотворенности, то нет и грубой телесности, а некая благородная душевность чувствуется почти везде.

Свящ. А. Семенов Тянь-Шанский.

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, Paris (5e)

Tél.: ODE. 7446 et ODE. 43-81

Compte Chèques Postaux : Paris 13313-73

	Fr.
АРСЕНЬЕВ, Н.:	
Православие, католичество и протестантизм	5,—
БУЛГАКОВ, прот. С.:	
Автобиографические заметки	7,50
БУЛГАКОВ, прот. С.:	
Купина Неопалимая (о почитании Божией Матери)	10,—
БУЛГАКОВ, прот. С.:	
Друг Жениха (о св. Иоанне Предтече)	10,—
ВЫШЕСЛАВЦЕВ, Б.:	
Вечное в русской философии	10,—
ВЕЙДЛЕ, В.:	
Вечерний день (о судьбе искусства)	7,50
БЕНУА, А.:	
Жизнь художника. В 2-х тт.	21,50
ЕЛЬЧАНИНОВ, свящ. А.:	
Записи	8,50
СОЛОВЬЕВ, В.:	
Духовные основы жизни	5,—
ЗАНДЕР, Л.:	
Проблема добра в творчестве Достоевского	9,25
ЗАЙЦЕВ, Б.:	
Чехов (литерат. биография)	9,—
СТЕПУН, Ф.:	
Встречи	9,—
СТЕПУН, Ф.:	
Бывшее и несбывшееся, 2 тт.	21,50
ZERNOV, N.:	
The Russian Religious Renaissance of the 20th century	24,—
DVORNIK, F.:	
Byzance et la primauté romaine	11,40
STRUVE, N.:	
Les Chrétiens en URSS	19,50

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

- ТРУБЕЦКОЙ, кн. Е. Н.: Умозрение в красках (О русской иконе)
ФРАНК, С.: Душа человека (Опыт введения в философскую психологию)
ФРАНК, С.: С нами Бог (Три размышления)
ШЕСТОВ, Л.: Умозрение и откровение (Сборник статей)
БУЛГАКОВ, прот. Сергей: О Православии

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения

XXIX-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

Во Франции: Подписную плату просим вносить на почтовый счет Р.С.Х.Д.: С.С.Р. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15e.

Подписная плата на год: 10 Ф., с целью поддержки — 15 Ф.

в Америке: Mrs. Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.

San Francisco Miss. Olga Raevsky. 1418-24th Ave. San Francisco 22, Calif. U.S.A.

Подписная плата на год: 3 долл., с целью поддержки — 5 долларов.

в Англии: Под

в Германии: Е

в Швеции: Е

Tous droits de tra

100 P
Цена:
M. C. El

4001387